

Александр Харников

К МОРЮ МАРШ ВПЕРЕД!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Харников

К морю марш вперед!

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Харников А. П.

К морю марш вперед! / А. П. Харников — «Издательство АСТ»,
2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-145501-9

Императора Павла I спасла от смерти группа спецназовцев ФСБ. Как она попала из века XXI в век XIX — неизвестно, но факт остается фактом — люди из будущего активно вмешались в ход исторических событий. Заговор, который в нашей истории закончился убийством царя, провалился. Британская эскадра под командованием адмирала Нельсона наголову разбита при Ревеле, а Первый консул Франции Наполеон Бонапарт подписал с Россией союзный договор, после чего объединенное русско-французское войско стало готовиться к походу в Индию. Британия, понимая, что над ней нависла смертельная угроза, делает все, чтобы этот поход не состоялся. В ход идет все — покушение на членов императорской фамилии, подкуп, клевета. Но и противники Туманного Альбиона готовы противодействовать коварному врагу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145501-9

© Харников А. П., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Часть 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Харников

К морю марш вперед!

© Александр Харников, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Автор благодарит за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior)

* * *

Пролог

22 июля 1801 года.

Ионийское море. Залив Молос.

Борт французского 40-пушечного фрегата «Жюстис».

Капитан 1-го ранга Александр Андреевич Сорокин

Удивительные судьбы порой выпадают кораблям. Фрегат, на котором я сейчас следую на Корфу, был спущен на воду в Бресте в 1793 году. Еще при постройке ему не повезло – он получил имя «Куражес», хотя в составе французского флота уже был корабль под таким же именем. Только через год, когда неразбериха, вызванная известными политическими событиями во Франции, немного успокоилась, он из «Мужества» превратился в «Правосудие»¹. В конце 1797 года фрегат отличился – он захватил два британских капера и отвел их на остров Корфу. Да-да, именно на Корфу, куда мы сейчас держим курс.

Потом было участие «Жюстиса» в Египетской экспедиции Наполеона, когда он после проигранного французами сражения при Абукире сумел бежать и пришел на Мальту. Оттуда он добрался до Тулона, из которого совершил несколько успешных вылазок против британских кораблей, блокировавших Мальту и Александрию. Но когда англичане надежно заблокировали французские корабли на рейде Александрии, «Жюстис» вынужден был встать на якорь и ждать момента, чтобы попытаться прорваться во французские порты. И такой момент настал.

Правда, после короткого ночного боя те корабли, которым повезло прорвать блокаду британцев, как было ранее договорено, взяли курс на Корфу. Командир «Жюстиса» Жан де Вильнёв неплохо знал здешние воды.

– Мой друг, – сказал он мне, – мы, как когда-то спутники легендарного Одиссея, сейчас подходим к берегам Итаки. Вы сказали, что у берегов этого острова нас ожидает сюрприз. Что вы имели в виду?

– Мсье, – ответил я, – как я и обещал, сюрприз будет. Думаю, что довольно скоро. Прикажите своим наблюдателям внимательнее смотреть прямо по курсу.

Де Вильнёв с сомнением покачал головой, но все же подозвал своего старшего помощника и приказал усилить наблюдение. Я же раздвинул подзорную трубу и стал смотреть в сторону острова Атакос. На траверзе этого маленького и безлюдного острова и должен был поджидать меня мой фрегат. А, вот он! Я опустил подзорную трубу, протер окуляр и снова поднял ее.

Я не ошибся, навстречу «Жюстису» под всеми парусами шел мой «Святой Николай». На нем я штурмовал крепость в Бриндизи и вместе с отрядом капитана 2-го ранга Григория Белли брал Неаполь.

Отправляясь в Александрию, я велел своему старшему помощнику крейсировать у побережья Итаки, чтобы в случае необходимости оказать поддержку французским кораблям, следующим после прорыва британской блокады на Корфу. Мой фрегат имел всего 48 пушек, но морские служители, обслуживающие орудия, были натренированы изрядно. Адмирал Ушаков не жалел денег, награждая артиллеристов за меткую и спорую стрельбу, в чем имели честь убедиться турки, французы и британцы. Если британские корабли нас настигнут, то они будут неприятно удивлены, получив из наших пушек увесистые «гостинцы».

Но, как мне кажется, сейчас они ловят прорвавшиеся корабли совсем в другом месте. Перед выходом из Александрии мы распустили слух, что французы намерены следовать в Бриндизи. Учитывая, что количество английских кораблей у Александрии значительно сократилось, в погоню за нами было отправлено гораздо меньше сил, чем мы ожидали. Так что,

¹ «Courageuse» – по-французски «Мужественная», «Justice» – «Правосудие».

скорее всего, большинство кораблей, вырвавшихся из Александрии, не сегодня-завтра будут на Корфу.

– Вы меня не обманули, мой друг, – с улыбкой произнес де Вильнёв. – Я вижу, что нас уже встречают друзья.

Последнее слово он произнес с особой интонацией. Было видно, что некая подозрительность, которая до последнего времени звучала в его речах, исчезла.

– Мсье, – сказал я, – прошу обратить внимание – нам навстречу идет корабль, командиром которого являюсь я. Так что скоро я смогу пригласить вас в свою каюту и угостить хорошим хиосским вином.

– Замечательно! – воскликнул француз. – Тогда с меня дюжина розового. Я хранил это вино моей родины – Прованса – до особо торжественного случая. Думаю, что такой случай уже наступил.

Часть 1

Сборы были недолги

3 (15) июня 1801 года.

Кёнигсберг. Королевский замок.

Генерал-майор Игорь Викторович Михайлов

Мы блестяще выполнили свою миссию, несмотря на все преграды и опасности, подстерегавшие нас в пути. Проект договора о военном союзе между Российской империей и Французской республикой подписан. Вполне возможно, что в него с общего согласия позднее будут внесены некоторые изменения. Но это не суть важно. Мы узнали ближайшие планы Бонапарта, а он, в свою очередь, узнал наше отношение к его планам. Пока особых противоречий между нами не обнаружено. Тем не менее граф Ростопчин посоветовал мне не обольщаться.

– Игорь Викторович, мне хорошо знаком характер французов. Поверьте, народец сей весьма непостоянен в своих симпатиях и антипатиях... Не так давно они отправили на гильотину короля, потом тех, кто приговорил к смерти несчастного Людовика, причем во всех случаях толпа, наблюдавшая за казнями, аплодировала, когда голова казненного падала в корзину. И отсечению головы Робеспьера они радовались так же непосредственно, как и казни короля и его супруги.

Мне осталось только согласиться с графом. Вспомнились и слова великого Суворова: «безбожные, ветреные и сумасбродные французишки». А ведь верно сказал Александр Васильевич. Только, пока у власти во Франции будет находиться Наполеон, его подданным не дадут особо порезвиться. Я сказал об этом Ростопчину, на что тот мне ответил: «Если чернь хоть раз почувствовала в своих руках власть, то ее потом будет очень трудно поставить на место. Сие, кстати, касаясь не только Франции».

– Федор Васильевич, в конце концов, меня порядок и спокойствие во Франции интересуют только лишь потому, что они могут сказаться на положении дел в нашем отечестве. А потому нам важно иметь в Париже правительство, которое будет дружественно нам. Мы можем пока с большей или меньшей уверенностью предполагать, чего хочет Бонапарт. А вот если на его место придет кто-то другой...

Ростопчин лишь пожал плечами. Видимо, и он, умный и проницательный политик, не мог даже предположить, кто во Франции сможет стать достойным преемником Наполеона. В конечном итоге мы с ним порешили, что в Париж вместе с Первым консулом отправятся майор Никитин и капитан Бутаев, которые станут нашими глазами в пестром политическом виварии – иначе политический бомонд Французской республики я не мог назвать.

Кстати, я хотел бы впоследствии усилить группу Никитина. Работы у него с напарником и так будет выше крыши. И чтобы они просто не надорвались от свалившихся на них забот, следовало бы прислать в помощь нашим ребятам еще пяток толковых людей. Кого персонально – я еще пока не решил. Вполне вероятно, среди них будет и Ганс, который так много сделал для нас в Ревеле и Кёнигсберге.

Вчера я откровенно поговорил с ним. Мне давно уже хотелось узнать, что он за птица, и почему он симпатизирует русским. Человеком он для нас оказался весьма полезным, да и в верности его мы не сомневались. Но Ганс казался «вещью в себе», и, не узнав о нем досконально все, трудно было доверять ему полностью.

И вот весьма неразговорчивый и сдержанный Ганс вчера неожиданно «расстегнулся» и рассказал кое-что о себе и о своей жизни. Как оказалось, он наполовину русский. Мать его, из местных немок, в годы Семилетней войны полюбила русского офицера, чья часть распола-

гальс в Ревеле. Офицер сей был из довольно знатной семьи, а мать Ганса, как он признался, могла гордиться лишь своим благородным происхождением. В числе предков Ганса по материнской линии были крестоносцы, отправившиеся в дикую для них страну ливов и эстов, чтобы те познали учение Христово, ну и заодно стали покорными слугами своих немецких господ.

А вот богатством семья матушки Ганса похвастаться не могла. Отец Анхен был бедным чиновником и умер, когда девушке исполнилось всего семь лет. Мать вскоре последовала за ним, а сиротку из жалости взял в свою семью ее дядя по матери, обедневший дворянин, сам едва сводивший концы с концами.

С бравым русским поручиком Анхен познакомилась случайно. И влюбилась в него с первого взгляда. Да и будущему отцу Ганса тоже понравилась скромная и симпатичная девица. В общем, молодые люди через какое-то время объяснились, и офицер сделал Анхен официальное предложение. Дело шло к свадьбе, но тут случилось непоправимое – корабль, на котором поручик отправился в Петербург, попал в шторм и погиб в Финском заливе со всем экипажем и пассажирами.

К тому времени Анхен была уже беременна. Ее дядя, поначалу благосклонно поглядывавший на богатого жениха племянницы, узнав о его смерти и беременности Анхен, рассердился и выгнал ее из дому. Но офицеры полка, в котором служил поручик, не остались безучастными к возлюбленной своего безвременно погибшего товарища. Они отправили письмо в Петербург родным поручика. В нем они рассказали о его невесте и о ребенке, который вот-вот должен был родиться.

Надо сказать, что родители поручика не были в восторге от сделанного им выбора. Они рассчитывали женить его на богатой невесте с хорошим приданым. Но, узнав о том, что он погиб и что у него должен появиться на свет ребенок, они решили поступить по-христиански и ежемесячно посылали деньги на содержание и воспитание внука.

Так что Анхен и ее сын первое время не бедствовали. Денег, получаемых от родственников трагически погибшего жениха, так и не ставшего ее официальным мужем, Анхен и ее сыну вполне хватало на жизнь. Как-то раз в Ревель приехал отец поручика – дедушка Ганса, пожелавший взглянуть на внука. Мальчик ему понравился, и он предложил Анхен и ее сыну отправиться вместе с ним в его имение. Там Ганс получит хорошее воспитание, а когда подрастет, его определят в Сухопутный шляхетский корпус, окончив который, наследник русского офицера сам станет офицером. Но Анхен не хотела уезжать из родного Ревеля. Она лишь согласилась на то, чтобы Ганс, повзрослев, отправился к своим родным в Петербург.

Ревель – портовый город. Поэтому многие из местных мальчишек с детства мечтали стать моряками. Гансу очень нравились корабли и море. Но его мать была категорически против того, чтобы ее сын стал моряком.

– Море забрало твоего отца, и я не хочу, чтобы ты ушел в плавание и не вернулся назад, – заявила она.

Когда Гансу было уже пятнадцать лет и он, выучив русский язык, стал готовиться к отъезду в Петербург, Анхен неожиданно заболела и умерла. Парень, похоронив мать, нанялся юнгой на купеческий корабль, ходивший из Ревеля в Стокгольм и Копенгаген. Но шхуна, принадлежавшая ревельскому арматору, как оказалось, перевозила не только легальные грузы. На ней из Швеции и Дании в Россию попадала и контрабанда. Так Ганс стал контрабандистом. У него скоро появились приятели во многих балтийских портах.

А потом он познакомился с фон Радингом. В 1787 году надворный советник прибыл в Ревель из Астрахани, где командовал Астраханским портом. Помимо всего прочего, фон Радинг ведал на Каспии пограничными делами. А они, как известно, тесно связаны с внешней разведкой. Примерно тем же эстляндский вице-губернатор стал заниматься и в Ревеле. Для

резидента в первую очередь были необходимы агенты. И лучше контрабандистов их не найти. Ведь они имеют своих людей везде, а по роду занятий умеют хранить тайны.

Фон Радинг, поближе познакомившись с Гансом и оценив его ум и умение выполнять порученные ему задания, предложил Гансу стать агентом русской разведки. Тот, немного подумав, согласился. Вот так сын офицера и контрабандист стал нашим самым надежным помощником.

Я с интересом выслушал исповедь Ганса и дружески похлопал его по плечу.

– Друг мой, мы тебе верим и будем рады принять в свою компанию. Мы можем обещать тебе за верную службу российскому трону богатство и титул – наш государь щедро жалует тех, кто не за страх, а за совесть служит ему. Ты ведь знаешь, что государь не сможет отказать, если мы замолвим за тебя словечко.

Увидев, что Ганс отрицательно покачал головой, я добавил:

– Пусть будет так, как ты пожелаешь. Но, как нам кажется, все, что ты уже сделал и еще сделаешь в будущем для России, должно быть соответствующим образом вознаграждено.

– Для меня дорого уже то, что вы считаете меня своим, – просто ответил Ганс. – Я ведь давно понял, что вы не совсем обычные люди. Поверьте, на своем веку мне довелось видеть многих. Вы на них совсем не похожи. Я пока не знаю, кто вы и откуда. Но думаю, что настанет время, и вы начнете полностью доверять мне и расскажете мне о себе и о вашей тайне. Я чувствую, что за вами стоит нечто, что даже трудно себе представить.

Вот такой вот разговор состоялся у меня с Гансом. Я окончательно решил отправить его в Париж, где он поможет майору Никитину разобраться в тамошних непростых делах. Во Франции у Ганса тоже были знакомые из числа местных контрабандистов.

Конечно, вполне вероятно, что многих из них уже нет в живых. Но кому-то наверняка удалось уцелеть. Так что, как говорилось в Святом Писании: «Ищите – и найдете, стучите – и вам откроют»². Будем искать...

3 (15) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Василий Васильевич Патрикеев, журналист и историк

Нет, моя чуйка меня не подвела! Не зря мы с Аракчеевым рыли землю, вычисляя нехороших людей в окружении императора Павла Петровича. Алексей Андреевич был человеком достаточно циничным и потому не стал возмущаться и махать руками, когда я порекомендовал ему еще раз тщательно прощупать связи попавшего в опалу великого князя Александра Павловича. Последний в данный момент, опасаясь батюшкиного гнева, отсиживался в Павловске. Большинство его прихлебателей предусмотрительно покинули своего покровителя, и вокруг Александра остались лишь наиболее приближенные к нему люди. Точнее, наиболее информированные.

В числе них оказался и отозванный Павлом из Сардинии князь Адам Чарторыйский. Поначалу я подумал, что этот самый Адам крутится вокруг своей Евы – супруги великого князя Александра Павловича. Елизавета Алексеевна – в девичестве принцесса Луиза Баденская – давно уже состояла в интимных отношениях с польским ловеласом. В 1799 году она даже родила от него девочку, и все придворные императора вслух удивлялись – почему у светловолосых Александра и Елизаветы родился темноволосый ребенок. Статс-дама императрицы графиня Ливен на подобный вопрос Павла лишь многозначительно вознесла очи к небесам и глубокомысленно произнесла: «Государь, Бог всемогущ!» Но император счел, что в данном случае не стоит валить все на Господа нашего, и велел удалить князя Адама из Петербурга, отправив его в качестве дипломата в Сардинское королевство.

² Евангелие от Матфея.

И вот князь Чарторыйский на днях вернулся оттуда. Причем не один, а еще с одной хорошо известной в нашей истории личностью – корсиканцем Шарлем-Андре Поццо ди Борго. А известен человек сей был тем, что с некоторых пор он стал личным врагом своего земляка и дальнего родственника Наполеоне Буонапарте. До этого они даже дружили, но потом, во времена Французской революции, крепко поссорились и стали кровными врагами. А для корсиканцев кровная вражда – это на всю жизнь. Слово «вендетта» – отнюдь не русское и не немецкое.

В нашей истории Поццо ди Борго по ходатайству Адама Чарторыйского был принят императором Александром I на российскую дипломатическую службу. И сделал все, чтобы развязать войну с Наполеоном. Словом, тот еще кадр.

Я проинформировал Аракчеева об этих двух подозрительных субъектах и попросил его установить за ними тщательное наблюдение. Императору я решил ничего пока не сообщать. Алексей Андреевич, услышав мои доводы, понимающе кивнул. Его агенты вскоре установили, что, кроме любовных шашней с супругой великого князя, поляк и примкнувший к нему корсиканец пытаются организовать новый заговор против царя. Они нашли сочувствующих им людей среди русских аристократов, ссыльных поляков и французов, которые являлись скрытыми роялистами. А такой «интернационал» был весьма опасен.

На этот раз заговорщики, учтя уроки своих предшественников, не действовали так прямолинейно и топорно, как в прошлый раз. Лишнего они старались не болтать и соблюдали некое подобие конспирации, заведя даже нечто вроде собственной контрразведки, следящей за тем, чтобы в тесный круг заговорщиков случайно не затесались нежелательные личности.

Заговор они готовили тщательно, без суеты. Ведь по их планам свергнуть Павла и посадить на трон великого князя Александра следовало только тогда, когда начнется планируемый совместный поход русских и французов в Индию. По их расчетам, наиболее боеспособные части российской армии будут удалены из столицы, и сил заговорщиков вполне должно хватить для захвата Михайловского дворца и убийства императора.

Деньги у князя Адама и его приятелей водились, причем немалые. Как удалось выяснить агентам Аракчеева, они через третьи руки поступали к ним от англичан, которые после разгрома эскадры Нельсона и начала франко-русских переговоров находились в состоянии перманентной паники. И скупиться в таком деле им не стоило – если Наполеон и Павел в конечном итоге договорятся о союзе, направленном против Англии, то Соединенному королевству придет полный кирдык. Союзников, которые согласятся воевать за британцев, у последних нет. Да и на своих островах им отсидеться вряд ли удастся. Как показали события в Ревеле, королевский флот хотя и силен, но отнюдь не непобедим.

Я обсудил с графом Аракчеевым и Николаем Бариновым порядок дальнейших наших действий. Общее же решение было таково – надо мочить заговорщиков, хоть в сортире, хоть в клозете. В данной ситуации рисковать было опасно. Вот только...

Самым сложным моментом предполагаемой спецоперации для нас казались действия в ближайшем окружении великого князя Александра. Тут без личной отмашки императора Павла никак не обойтись. А вот даст ли он ее? Я напрямую спросил об этом Аракчеева. Граф лишь пожал плечами и ответил, что, дескать, если правильно доложить все государю, то он может не посмотреть на то, что Александр его родной сын, и запросто отправит его туда, куда Макар коров не гонял.

– Только вы, господа, учтите, – предупредил нас Аракчеев. – Император подвержен чувствам и совершенно неожиданно не только для вас, но и для себя самого может принять решение, которое превратит в ничто всю нашу работу. Увы, это так. Уж я-то знаю его хорошо.

Аракчеев тяжело вздохнул и машинально потер ладонью звезду ордена Иоанна Иерусалимского. Видимо, графу вспомнились все выволочки и несправедливые упреки, которые ему довелось выслушать от любимого монарха.

– Учтем, – ответил я. – А вас, Алексей Андреевич, мы попросим провести разведку. От вас лично ничего не требуется – вы только дайте нам знать, что государь готов к трудному для него разговору. А пока мы будем тайно отслеживать связи заговорщиков, чтобы потом одним ударом разрушить их планы.

– Согласен, – кивнул головой Аракчеев. – Я сделаю все, чтобы государь остался жив, а враги его были повержены. С вашей помощью, господа, мы не дадим врагам отечества восторжествовать. Я верю в это!

4 (16 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Дарья Иванова, русская амазонка

Пока наши ребята геройствовали в Кёнигсберге, беспощадно изничтожая направо и налево британскую агентуру, мы, оставшиеся в Петербурге, тоже времени зря не теряли. Папа вместе с дядей Димой с головой погрузились в прогрессорство. Они, и примкнувший к ним Кулибин, в темпе «держи вора» строят паровую машину. Вообще, как я поняла, паровики в этом времени уже существуют. Но, как сказал дядя Дима, здешние паровые машины ужасно прожорливые, ненадежные и очень опасные в применении.

– Это, Дашка, не движок, а самая настоящая мина замедленного действия, – не знаешь, когда рванет, – криво усмехнулся мой «сенсей», разглядывая какую-то устрашающих размеров железяку. – А нам нужен нормальный пароход, способный рассекать не только по рекам, но и по морям. Ведь мы скоро отправимся вместе с французами на юга, чтобы надрать задницу англизам.

Познакомил он меня и с Иваном Петровичем Кулибиным. Забавный такой дядечка. Внешне – вылитый купчина из пьесы Островского. Сила Силыч. Но добрый и не жадный, всегда спокойный и невозмутимый. Правда, от меня он вряд ли узнает что-нибудь такое, что его могло бы заинтересовать. Хотя я не отказалась бы, если бы он построил с моей помощью простейший дельтаплан. Только когда я озвучила свое желание папе, он отругал меня и велел не соваться к занятому человеку со всякой ерундой. Дескать, всему свое время.

Мне осталось лишь тяжело вздохнуть и отправиться на детскую половину Михайловского дворца, чтобы повозиться с царскими детишками. Скажу честно, они во мне просто души не чаяли. Особенно младшие. Старшая дочь Павла – Мария – была себе на уме. Да, у меня с ней были нормальные отношения, в подруги я к ней не лезла, да и думала цесаревна все больше о замужестве и о кавалерах. А в этих делах я ей не помощница. Тем более что великих княжон выдают замуж не по любви, а по расчету. Как в том мультфильме про «летучий корабль».

Правда, потом они очень часто пускаются во все тяжкие, да и их суженые-ряженые заводят себе любовниц, порой сразу несколько. Редко бывает, чтобы царственные особы жили в любви и согласии. Это скорее исключение из правил.

А вот моя подшефная – цесаревна Екатерина – неожиданно влюбилась. И не в какого-то там герцога или князя, а в одного из наших «градусников». Правда, майор Никитин сейчас находится далеко от Питера. Генерал Баринов услал его аж в Париж, где майор должен стать кем-то вроде тайного советника самого Наполеона.

Екатерина, весьма расстроенная этим фактом, поспешила поделиться своей сердечной тайной со мной. Но, увы, я лишь пожала плечами и сказала ей, что влюбленность – это хорошо, но я в данном случае ничем ей помочь не смогу. У нас мужчина и женщина одинаково вольны в проявлении своих чувств. Ну не может генерал Баринов приказать, чтобы майор взял и полюбил великую княжну. Тут требуется обоюдное влечение. А пока же Никитин смотрит на Екатерину, как на обычную девчонку, которой еще впору в куклы играть.

Вполне возможно, что мои слова пришлись не по вкусу Екатерине. Концом нашей дружбы это не стало – мы все еще занимаемся то конными прогулками (где в роли инструктора

тора выступает ее высочество), то тренировками – естественно, под моим началом. Но вне этих мероприятий я вижусь с ней в последнее время довольно редко.

А вот Николай, Михаил и шестилетняя Аня... Они, играя со мной, забывали о царственной фанаберии и, развесив уши, слушали мои рассказы и байки.

– Дарья Алексеевна, ну расскажите что-нибудь еще! – канючили мелкие Павловичи, когда я выдыхалась и, как сказочная Шахерезада, «прекращала дозволенные речи». Приходилось после небольшого отдыха продолжать развлекать Николая, Михаила и Анну, которые с раскрытыми ртами слушали мои рассказы о чудесных странах, удивительной природе и людях, не похожих на здешних. Они казались им волшебными сказками, и отпрыски династии Романовых в этот момент напоминали мне обычных детишек, которые так любят мечтать о дальних странствиях и таинственных землях.

Я пела им наши детские песенки, и мелкие, обладая хорошим музыкальным слухом, скоро начинали мне подпевать. Со стороны это выглядело весьма забавно. Представьте себе: детская в Михайловском замке, два юных великих князя и великая княгиня, которые звонкими детскими голосами подтягивают мне:

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.

Спой нам, ветер, про чащи лесные,
Про звериный запутанный след,
Про шорохи ночные,
Про мускулы стальные,
Про радость боевых побед!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется,
Кто ищет – тот всегда найдет!³

Как-то раз во время нашего очередного музицирования в детскую заглянул сам государь император. Павел с улыбкой послушал пение своих «барашков», а потом, подойдя ко мне, поблагодарил:

– Мадемуазель Дарья, вы просто прелесть. Я вижу, как вы любите моих детей. Да и они вас обожают. Спасибо вам большое...

Павел приложил мою руку к своим устам. При этом он многозначительно посмотрел мне в глаза. Что ж, я уже давно замечала подобные взгляды императора. Только мне почему-то не хотелось стать царской фавориткой, хотя многие девицы в Государстве Российском только об этом и мечтали.

Нет, если сказать честно, Павел Петрович внешне был довольно приятным мужчиной. Он не был похож на того карикатурного императора, которого часто изображали весьма страстные к нему историки. Нормальное телосложение, рост – 166 сантиметров – конечно, по нормам нашего времени его можно считать чуть-чуть низкорослым. Но для начала XIX века рост Павла был средним, обычным для большинства его современников. Курносый нос

³ Слова Василия Лебедева-Кумача.

немного портил физиономию царя, но некоторым моим подругам такие носы очень даже нравились.

Дело было совсем в другом. Я не желала быть чьей-то. Я – «кошка, которая гуляет сама по себе». Да и императрицу мне было жаль. С ней я подружилась. Конечно, Мария Федоровна была дама с характером, но мы претлично ладили друг с другом. Она поначалу немного ревновала меня, наблюдая многозначительные взгляды, бросаемые ее мужем на мою особу. Но потом, убедившись, что я не спешу становиться царской фавориткой, она успокоилась и начала оказывать мне знаки внимания.

В радиogramмах, которые отправляли наши ребята из Кёнигсберга, среди прочих сообщений были поклоны мне от Саши Бенкендорфа. Вот он мне нравился. Не знаю, как далеко зайдут между нами отношения, но что-то в этом молодом человеке было такое, что мне весьма импонировало. Да и по рассказам Василия Васильевича Патрикеева я много узнала о том, кого советские и не только историки называли «сатрапом и деспотом». Будущий граф и генерал всю свою жизнь верно служил России. И человеком он был порядочным. Впрочем, Саша может и не стать тем, кем он стал в нашей истории. Поживем – увидим...

В кармане у меня пронзительно запищала рация. Значит, я кому-то срочно понадобилась. Интересно, кому именно?

4 (16 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Генерал-майор Николай Михайлович Барinov

Французы любят глубокомысленно произносить во всех непонятных для них жизненных ситуациях: «Шерше ля фам». И, наверное, они и в самом деле в чем-то правы. Начало XIX века – это время, когда дела гламурные часто плотно переплетались с делами политическими. Интриги зарождались в спальнях сильных мира сего, а любовные утехы плавно переходили в обсуждение самых зловещих замыслов. Для нас подобное было не совсем привычным, но здешний народ воспринимал все это как само собой разумеющееся.

Информацию о подготовке нового заговора против императора мне неделю назад сообщил Сыч – в миру капитан Совиных. До меня дошли слухи, что он закрутил роман со спасенной им от смерти полячкой – Барбарой Каминской. В общем, ничего удивительного для меня в этом не было. Наши парни не были ни монахами, ни евнухами. Как и всем взрослым мужикам, им требовалось, гм, скажем так, женское внимание. И они его находили по мере сил и возможностей.

Кто-то из них удовлетворял свой «основной инстинкт» с прачками и кухарками дворца. Алексей Андреевич Аракчеев с пониманием воспринял мои пожелания и не препятствовал случайным связям служительниц царского дворца с пришельцами из будущего. Для порядка он, конечно, немного поворчал, что, дескать, не следует блудить с пошлыми девками по углам. Лучше будет, если мои парни женятся на дворяночках из приличных семейств. Я хотел было ответить ему, что эти самые девицы ничем не лучше (а может быть, и хуже) простых тружениц сферы коммунально-бытовых услуг, но промолчал, не став развивать эту тему.

А вот Сыч сумел завоевать любовь прекрасной польки. Тут мне тоже все было понятно. Во-первых, он спас ее от гибели. Такое, естественно, не забывается. Во-вторых, будучи на четверть поляком, Герман воспринимался паненкой человеком, близким ей по крови. Ну а в-третьих, Сыч был бабником, всегда пользовавшимся успехом у представительниц слабого пола. Его амурные похождения были постоянной темой для шуток в нашем дружном коллективе. Так что вскоре он уже утешал Барбару не только морально, но и телесно.

Именно он и сообщил мне информацию, что в окружении великого князя Александра Павловича имеются личности, ведущие нехорошие разговоры о планах свержения императора Павла.

– А ты не думаешь, Герман, что сия девица просто сливает тебе дезу? – спросил я его.

– Не думаю, – отрицательно покачал головой Сыч. – Да и зачем ей это делать? Барбара влюбилась в меня, как кошка. Она ничего от меня не скрывает. Я не тянул ее за язык – она сама расчувствовалась и проболталась о заговоре.

– Гм, для меня женская психология – темный лес. Это тебе, донжуану записному, должны быть известны ее секреты. Впрочем, как говорила одна моя знакомая, женщины часто сами не понимают, почему они неожиданно совершают поступки, о которых потом жалеют. Скажи-ка ты мне вот что: эта самая Барбара – не внедренный ли в нашу среду агент? И можно ли ей доверять?

Сыч с минуту подумал, а потом задумчиво произнес:

– Для меня она поначалу была обычной феминкой, с которой приятно провести время. В постели она – много желаний, но мало умения. Пришлось провести с ней мастер-класс «Кама-сутры» для начинающих. Оказалось, что девица в любви – просто Везувий. А вот потом...

– А что было потом?

– А потом она влюбилась в меня всерьез. Причем Барбара была готова на всё. Она даже не требовала, чтобы я на ней женился. Просто, чтобы я был всегда рядом с нею. Знаете, Николай Михайлович, такое у меня в первый раз. Баб у меня было много, но я прекрасно видел, что я им нужен только в постели. Когда же они узнавали, что я не «богатенький Буратино» и никогда им не стану, то они как-то сразу от меня отваливали. Тут же...

– Понятно, – вздохнул я. – Давай опустим лирику и сразу перейдем к нашим скучным делам. Вспомни, что тебе рассказала твоя прелестница.

– По ее словам, главным заводилой во всех этих тайных делах является князь Адам Чарторыйский. Он старательно создает впечатление, что главное для него – амурные шашни с супругой великого князя Александра Павловича Елизаветой Алексеевной. На самом же деле князь, не испытывая недостатка в средствах, собирает всех недовольных правлением императора и его союзом с Первым консулом Наполеоном Бонапартом. Причем разговоры идут самые крамольные. Царя однозначно собираются убить, а на российский престол возвести великого князя Александра.

– Это ей что, сам Чарторыйский сказал?

– Эх, Николай Михайлович, плохо вы знаете поляков. Народец сей обожает бахвалиться и болтать языком где ни попадя. Я, к счастью, поляк лишь по бабке. Да и то она родилась в Сибири, и по характеру скорее сибирячка, чем поляка. А вот гоноровая шляхта – сплошные болтуны. Особенно если перед ними прекрасная паненка, которой надо показать свою значимость и важность.

– Понятно... В общем, Герман, напиши мне подробно все, что тебе стало известно о готовящемся заговоре. Мне тут Аракчеев тоже сообщил нечто подобное. Так что будем работать вместе с ним. Только скажи мне, как твоя Барбара себя поведет, когда мы станем вязать всех этих заговорщиков? Не испортит ли она нам всю обедню? И не взыграет ли у нее голос крови?

Сыч задумчиво почесал свой коротко стриженный затылок.

– Не могу я за нее ручаться... Хотя... Скажу вам честно, Николай Михайлович, мне кажется, что в душе она уже сделала свой выбор. И если что, то я, пожалуй, женюсь на ней. Надо же когда-нибудь завязать с холостяцкой жизнью. Если уже нас занесло в прошлое, то в нем следует устраиваться основательно, пустить корни, словом, стать своим...

– Хорошо, Герман, давай думай. И держи ухо востро – как только твоя Барбара принесет тебе на хвосте что-то особо важное – срочно сообщи мне по радию. Тут медлить нельзя, британцы денег на свержение Павла дали немало, для них сейчас союз России и Франции – это полный песец. Так что ни золота, ни крови заговорщики жалеть не будут.

– Понял вас, Николай Михайлович. Буду работать с Барбарой и днем и ночью. Особенно ночью...

Сыч хитро улыбнулся и кивнул мне.

«Вот ведь кобель, – подумал я. – Любое серьезное дело к блуду сведет. Впрочем, человек он надежный, да и профессионал хороший. Думаю, что он в случае чего не оплошает».

17 июня 1801 года.

Королевство Пруссия. Позен.

Майор ФСБ Андрей Кириллович Никитин,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

«Дан приказ: ему на запад...» В общем, все как в старой советской песне. Правда, той, которая желала своему любимому мгновенной смерти или раны небольшой, у меня пока нет. Хотя...

Или я ничего не понимаю в этой жизни, или великая княжна Екатерина втюрилась в меня, причем далеко не по-детски. Хотя девочке сей всего-навсего тринадцать лет. Только для здешних фемин это уже вполне нормальный возраст. Вспомним Шекспира. Сколько лет было Джульетте, когда она влюбилась в Ромео? – Тоже тринадцать. А какой брачный возраст был для девушек согласно закону в Российской империи? – Тоже тринадцать... Вот именно. Так что тут не все просто. В столь юном возрасте девицы уже подыскивали себе кавалеров.

Одно меня утешало – согласно тем же законам Российской империи, брак между дочерью императора и майором из будущего просто невозможен. Пусть даже я со временем дослужусь до генерала, все равно – к ни одной из царствующих династий я не принадлежу, и потому для женитьбы на Екатерине Павловне, что называется, рылом не вышел.

Хотя, если честно, она мне нравится. Не могу понять, чем именно, но повадками своими она напоминает мне лихого пацана, бесшабашного и отчаянного. Конечно, со временем это у нее пройдет, но, если верить тому, что рассказал о ней Василий Васильевич, жизнь ее в нашей истории была полна приключений. Она дважды выходила замуж – в первом браке она была принцессой Ольденбургской, во втором – королевой Вюртембергской, родила четырех детей и умерла в возрасте тридцати лет – мне сейчас больше, чем ей было в год ее смерти. Жалко такую красивую и умную девицу, столь рано скончавшуюся от дурацкого пустяка – Екатерина расковыряла прыщик на лице, началось воспаление, а потом и сепсис...

Ладно, не буду о грустном. Тем более что компания, с которой я сейчас путешествую по пыльным дорогам Европы, вполне достойная. Сам Наполеон Бонапарт всячески выказывает мне свое расположение, осторожно расспрашивает меня о будущем, об оружии нашего времени, о войнах, которые прогремели в этом и последующем веках. Я рассказывал ему, конечно, в пределах дозволенного, помня, что о некоторых моментах Василий Васильевич попросил меня умолчать.

Но даже того, что удалось узнать будущему императору, хватило ему, чтобы тщательно взвесить и обдумать свои дальнейшие планы. Нет, Наполеон не передумал становиться императором. Этот титул давал ему власть над народом и страной, возможность продолжить войны, которые, как считал он, позволят Франции возродить ее прежнее величие.

Я же в беседах с Бонапартом старался крепко-накрепко вбить тому в голову мысль о том, что он будет непобедим лишь до той поры, пока сохранит дружбу с Россией. Роковой поход 1812 года стал в нашей истории началом конца его империи. Россия непобедима – это аксиома. А вот Франция рухнула под натиском коалиционных сил, и даже военный гений Наполеона не смог спасти ее армию от поражения.

Мой собеседник соглашался со мной, кивал и мечтал о том, как французская и русская армии разгромят британцев и заставят Англию вернуться в ее естественные границы.

– Я согласен с вами, Андре, эти проклятые островитяне назойливо суют свой длинный нос в чужие дела по всему миру. К тому же они алчны и злопамятны. Только и мы, французы, имеем хорошую память. Мы помним о землях, которые были потеряны еще при Бурбонах в

Америке и Азии. И я считаю делом чести вернуть эти земли назад. Франция должна вновь стать великой!

– Да, но все войны связаны с гибелью сотен тысяч людей. Не лучше ли было попытаться поладить миром с британцами?

– Андре, вы шутите? Да разве с этими жуликами можно о чем-либо договориться? Они лгут так же легко, как пьют свой противный джин. Нет, я насмотрелся на их подлости и никаких договоров с ними заключать не стану. То есть договариваться все же когда-нибудь придется, но лишь тогда, когда Англия будет разбита и мы с вами сможем как победители диктовать им наши условия. Вы согласны со мной?

Я ответил, что у нас, русских, есть пословица о шкуре неубитого медведя, которую некоторые охотники спешат заранее поделить. Наполеону мой ответ, похоже, не понравился. Он насупился и замолчал. Чтобы снять напряжение, я стал рассказывать Бонапарту о городе, в котором мы сейчас находились.

Пруссим он стал недавно – после второго раздела Польши в 1793 году. Немцы стали приводить в порядок город, до того находившийся в запустении. Ну и заодно укрепляли Позен – так стала называться Познань, – превратив его в первоклассную крепость. О том, как тяжело было брать ее в 1945 году, рассказал мне мой дядя, воевавший в составе 8-й гвардейской армии Чуйкова.

Немцы дрались за Познань отчаянно, поставив под ружье сопливых пацанов и стариков из фольксштурма. Кроме того, в составе гарнизона Познани оказались латышские части СС, которым на пощаду рассчитывать было трудно. Возглавлял же оборону города-крепости фанатичный нацист генерал-майор Эрнст Гонелл. Сражение продолжалось целый месяц и закончилось полным разгромом врага. Гарнизон частично был уничтожен, 23 тысячи солдат и офицеров сложили оружие, а генерал Гонелл завернулся во флаг со свастикой и застрелился.

Я рассказал Наполеону о том, что произошло в нашей истории через сто сорок лет. Он внимательно выслушал мой рассказ и покачал головой.

– Я не сомневался, что русские умеют не только сражаться в поле, но и брать сильные крепости. Мне рассказывали, что труды маршала Вобана⁴ в России не менее популярны, чем во Франции. Вижу, что вашей стране в будущем придется много воевать. Может быть, Андре, мы сумеем сделать так, чтобы этого не произошло?

5 (17) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Охтинские верфи.

Валерий Петрович Коновалов, водитель «скорой», а ныне просто механик

Чудны дела твои, Господи! Не думал, не гадал я, что придется мне из обычного водителя (и, по совместительству, санитара) переквалифицироваться в изобретатели. И что выпадет мне честь работать вместе со знаменитым Иваном Петровичем Кулибиным.

А занимались мы с ним не пустяками вроде очередного фейерверка для «развеселой царицы» Елизаветы Петровны, а изготовлением первого в России парохода. Понадобился же он для готовящегося совместного российско-французского похода на юг. Как я понял, пароход был нужен для того, чтобы буксировать баржи с военными грузами по Волге, а далее через Каспий в Персию. Хотя для транспортировки всего необходимого: продовольствия, амуниции, боеприпасов и прочего на Ветлуге – притоке Волги – будут построены беляны – уникальные корабли, о которых, к стыду своему, я узнал только здесь, в далеком прошлом.

Иван Петрович, сам нижегородец, рассказал о них много интересного. По его словам, начали их строить корабельные мастера, которых за какую-то провинность сослали в глухие

⁴ Себастьян Ле Претр де Вобан – французский маршал, фортификатор и военный инженер. Построенные им крепости объявлены Всемирным наследием человечества.

мордовские леса. Меня удивило то, что беляны были одноразовым транспортным средством. Они совершали всего один лишь рейс по Волге – до Астрахани, где их после разгрузки продавали на дрова. Сама же беляна имела огромную грузоподъемность – до 100 тысяч пудов. Корпус ее был заострен как спереди, так и сзади, а управляли этим русским «Ноевым ковчегом» при помощи огромного руля – лота, похожего на дощатые ворота, который поворачивался с помощью огромного длинного бревна, идущего от кормы на палубу. Из-за этого лота беляна и сплавлялась вниз по реке не носом вперед, а кормой. Но, несмотря на свою внешнюю неуклюжесть, она обладала прекрасной маневренностью. Несколько таких белян могли заменить нам целую флотилию транспортных судов.

Но для нас главным все же было построить пароход. Точнее, паровую машину для него. Я вспомнил все, что знал об этих древних движках. В общем-то, ничего сложного в них не было. Конечно, выдающихся ходовых характеристик от будущего корабля никто не ожидал. К тому же первые паровые двигатели уже были построены. Цилиндр, поршень, золотник, ну и примитивный предохранительный клапан. Шток, ползун, рычаг, шатун и коленчатый вал с маховиком. Ну и котел с топкой.

Иван Петрович быстро разобрался с начерченной мною схемой и начал сразу же строить действующую модель парового двигателя. А я вместе с Димой Сапожниковым отправился на Охтинские верфи, расположенные в месте впадения реки Охты в Неву, чтобы заказать там корпус будущего парохода. Здесь когда-то находилась шведская крепость Ниеншанц, а в 1722 году Петр I переселил сюда мастеровых людей из Вологды, Холмогор и Устюга. Позднее по указу императрицы Екатерины Великой на месте шведской крепости открыли частную судостроительную верфь, на которой строили небольшие парусные корабли.

Работали на этой верфи толковые мастера. Они быстро поняли, что именно им надо для нас построить. Лишних вопросов нам не задавали, а когда мы назвали сумму, которую мы готовы были заплатить лично им за построенный пароход, они довольно загальдели и пообещали все сделать вовремя и справно.

А мы стали прикидывать, какие именно движители должны стоять на корабле. Сошлись на том, что в данном случае лучше всего подойдут гребные колеса. Винт, он, конечно, более эффективен, но вряд ли такие дилетанты, как мы, сможем правильно рассчитать его параметры. А на эксперименты у нас просто нет времени. К тому же гребное колесо более подходит для плавания на мелководье. А нашим войскам придется действовать, скорее всего, в устьях рек и в прибрежных водах.

В общем, работа закипела. Курировал же ее лично адмирал Ушаков. Да-да, тот самый. Для меня он всегда был монументальной глыбой из старого советского фильма с актером Перверзевым в главной роли. На самом же деле Федор Федорович был совсем другим. Прославленный флотоводец быстро понял все преимущества военных кораблей с паровым двигателем и сделал все, чтобы наша работа над первым в России пароходом шла без препятствий и задержек.

Как мне стало известно от Василия Васильевича Патрикеева, встреча с французами в Кёнигсберге прошла успешно, и совместный поход с Наполеоном против британцев можно уже считать решенным делом. Подготовка к нему шла полным ходом. Мне лично пока не предложили принять в нем участие, но если предложат, то я, скорее всего, не откажусь.

5 (17) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Василий Васильевич Патрикеев, журналист и историк

Сегодня меня навещил генерал Кутузов. Михаил Илларионович был назначен императором главнокомандующим российским экспедиционным корпусом. Павел неплохо знал Кутузова, его скрытный и честолюбивый характер. Кроме того, Михаил Илларионович был неплохо

знаком с Востоком и нравами народов, его населявших. А это немаловажно – ведь, как у нас говорили, «Восток – дело тонкое».

Кутузов старательно продумывал каждый свой шаг. И заявился он ко мне для того, чтобы обсудить варианты развития событий. А их было немало. И самый главный – каким путем и куда следует идти. Тут чисто тактические моменты становились стратегическими. Ведь у каждой из сторон, участвовавшей в походе, были свои цели. Французов больше интересовала Индия как таковая. Точнее, те колониальные владения, которые были ими утеряны полвека назад после поражения в Семилетней войне. А ведь еще во времена кардинала Ришелье началось проникновение французов в «Страну чудес». В 1642 году была образована Французская Ост-Индская компания. Дело Ришелье продолжил министр финансов Людовика XIV Жан-Батист Кольбер.

Постепенно на территории Индии появилось множество факторий французов, а территория, которую они контролировали, занимала половину Индостанского полуострова. Все эти фактории были хорошо укреплены. Это было далеко не лишней предосторожностью, так как конкуренты французов – англичане и голландцы – не раз пытались вооруженным путем изгнать их из Индии.

В 1756 году в Западной Бенгалии произошло роковое для французов сражение, известное как битва при Плесси. Войска Британской Ост-Индской компании под командованием полковника Роберта Клайва разбили войска бенгальского наваба Сирадж уд-Даула и поддерживавший его отряд французов. Так французы потеряли Западную Бенгалию, одно из богатейших княжеств Индии. А далее началась Семилетняя война, в ходе которой Францией были окончательно утеряны колонии в Индии и Северной Америке.

Правда, по условиям Парижского мирного договора 1763 года, Франции вернули Пондишери – территорию на юго-востоке Индии, важный опорный пункт на побережье Бенгальского залива. К настоящему времени в Индии проживало немало людей, которые сочувствуют французам и были бы совсем не против с их помощью изгнать из Индии британцев.

Все это я рассказал Кутузову, который, слушая меня, кивал своей израненной головой. Видимо, историю войн между французами и англичанами в Индии он знал неплохо.

– Скажите, Василий Васильевич, – немного помолчав, произнес он, – а как наши и французские войска собираются попасть в эту самую Индию? Ведь по морю нам ходу нет. Да, мы разгромили под Ревелем эскадру адмирала Нельсона, но английский флот все еще очень силен, и даже если мы объединим с французами наши морские силы, то вряд ли осилим королевский флот. А по суше... Михаил Илларионович подошел к большой карте, лежавшей у меня на столе. На ней была изображена восточная часть Средиземного моря. Кутузов нагнулся над картой и стал водить по ней указкой.

– Вот, посмотрите, – произнес он. – Это Левант – старинные земли, которые переходили от одних завоевателей к другим. Места сии издревле были хорошо известны французам. Многие крестоносцы, обосновавшиеся здесь, были родом из королевств и графств, входящих ныне в состав Французской республики. Ну, а в начале шестнадцатого века французские короли заключили фактический союз с турецкими султанами. Общим врагом и Стамбула, и Парижа была Вена. При этом французских королей ничуть не смущало то, что они – католики – сражались вместе с мусульманами против таких же католиков-австрийцев. Французские купцы получили от мамлюков, правивших в Египте, немалые льготы и преференции.

– Особенно тесные связи, – добавил я, – между Францией и Османской империей возникли в годы правления в Стамбуле султана Сулеймана Великолепного. Дело доходило до того, что эскадры знаменитого османского пирата Хайреддина Барбароссы базировались в средиземноморских портах Франции – Тулоне и Марселе.

– Да, я читал об этом, – кивнул Кутузов. – Зная это, легко понять, почему Бонапарт отправился в Египет. У французов осталось немало друзей среди влиятельных людей в Леванте.

– Михаил Илларионович, – улыбнулся я, – что касается Наполеона, то он мог бы гораздо раньше оказаться на Востоке. Вам, наверное, известно, что в 1795 году экстраординарный французский посланник Раймон де Вернинак-Сен-Мор попытался заключить договор о союзе с турецким султаном Селимом III. Молодой артиллерийский офицер по имени Наполеон Бонапарт также должен был быть отправлен в Константинополь в 1795 году для помощи в реорганизации османской артиллерии. Он туда не поехал лишь потому, что всего за несколько дней до того, как ему предстояло отправиться на Ближний Восток, он доказал, что может быть полезен Директории, расстреляв картечью взбунтовавшуюся в Париже толпу. Его оставили во Франции.

– Я слышал об этом, – Кутузов протер платочком слезящийся правый глаз. – Правда, я был в Константинополе тремя годами ранее и не мог быть знакомым с месье де Вернинак-Сен-Мором. Но, Василий Васильевич, давайте вернемся к теме. Как бы то ни было, но влияние французов в Леванте не может заменить им войска. А остатки египетской армии Бонапарта в Египте окружены превосходящими силами турок и англичан. Они страдают от нехватки боеприпасов и снаряжения и готовы капитулировать.

– Может быть, может быть, – ответил я. – Но то, что не удалось генералу Бонапарту, возможно, удастся Первому консулу Франции Наполеону Бонапарту. Не забывайте, Михаил Илларионович, что у нас есть прекрасный плацдарм на Средиземном море, откуда можно начать новую кампанию в Леванте.

– Вы имеете в виду Ионические острова? – осторожно поинтересовался Кутузов. – Я тоже думал об этом. Действительно, оттуда можно действовать против турок и англичан, используя корабли греков, которые чувствуют себя как дома среди островов восточной части Средиземного моря. А что думает по этому поводу Бонапарт?

– Он придерживается того же мнения. Кроме того, Бонапарт решил возобновить свои связи среди османской знати. Он хочет замирился с султаном Селимом. Думаю, что ему это удастся. Ведь в нашей истории нечто подобное произошло в 1805 году, когда Франция и Турция подписали союзный договор, направленный против Англии и России. В нынешней ситуации турки могут пойти на союз с Францией и нами, если мы предложим им некую компенсацию.

– Персию? – переспросил Кутузов. – Это интересно, очень интересно. Знаете, Василий Васильевич, намечается весьма удачная политическая конфигурация. Надо это все как следует обдумать. Если вы позволите, я покину вас, чтобы взвесить все и рассмотреть открывающиеся перед нами перспективы.

6 (18 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Дарья Иванова, русская амазонка

Этот свежее испеченный генерал из ФСБ точно хочет сделать из меня что-то вроде Мата Хари российского разлива. Ну, или как минимум Штирлица в юбке. Если кому неясно – это я про Барина говорю. Хотя, конечно, и его можно понять, ведь надо иметь надежную агентуру среди заговорщиков. Вот он мне и предложил, чтобы я помогла ему раскрыть очередное покушение на жизнь императора.

– Видишь ли, Даша, – сказал Барин, лучезарно улыбаясь мне. – До нас дошла информация, что англичане, которые крепко получили по носу и здесь и в Ревеле, готовятся взять реванш. Мартовский заговор, организованный братьями Зубовыми и Паленом, провалился. Положение у джентльменов из Лондона хуже губернаторского – их престиж на континенте серьезно подорван, а союз России и Франции, направленный против Англии, заключен. Все это вызвало панику среди британских властей. Им ничего не остается, как пойти ва-банк. Уцелевшая агентура англичан собрала всех недовольных Павлом, поляков, бунтовавших

при Костюшко, и роялистскую шушеру. Денег джентльмены из Сити не пожалели – всем участникам заговора заранее обещали золотые горы и реки, полные вина. Ну, а для начала, чтобы они вдохновились и воспряли духом, потенциальным цареубийцам выдали солидные авансы.

– Да я все это понимаю, Николай Михайлович, – со вздохом ответила я, – только на императора обижаться у меня нет причин, к французским роялистам, как вы понимаете, я не принадлежу, да и к мятежным полякам тоже. И потому мне не совсем понятно, как вы попытаетесь внедрить меня в их ряды. Хотя... Я, кажется, поняла, о чем идет речь. Вы предлагаете попытаться выйти на заговорщиков через Барбару Каминскую? Только, как мне кажется, зря все это. Прекрасная полька просто сходит с ума по Сычу – пардон, по Герману Совиных. У них, похоже, дела зашли слишком далеко...

Тут я покраснела, вспомнив, как однажды, вернувшись утром после свидания с Сычом, Барбара неожиданно разоткровенничалась и рассказала мне, как там у них все происходило. Оказывается, Сыч еще тот ходок, прямо Казанова в камуфляжке. Закружил, понимаешь, бедной девушке голову и затащил ее к себе в постель. Или она его? Тут дело темное... Правда, как призналась Барбара, он не был у нее первым. Где-то в Польше остался бравый хорунжий, уговорами и клятвами в вечной любви соблазнивший юную и пылкую девицу. Потом хорунжий сказал своей коханой «до видженья» и скрылся в неизвестном направлении. Такая вот грустная история. Но Барбара и слышать теперь не желает о том хорунжем.

Я прямо рассказала обо всем этом Барину. Тот кивнул, внимательно посмотрел на меня, после чего добавил, что все это ему известно и что, похоже, у Германа тоже имеются некие нежные чувства к Барбаре.

– Пойми, Даша, мне совсем не хочется, чтобы Барбара загремела на каторгу, как участница заговора против императора. А если она окажет, пусть даже и помимо своей воли, определенное содействие в ликвидации этого самого заговора, то ее не привлекут к уголовной ответственности, и она может и дальше быть с Германом.

– Да, но я-то что могу сделать?! – честно говоря, мне не до конца была понятна моя роль во всех этих шпионских играх.

– Ты можешь получать от нее дополнительную информацию, – нравоучительно произнес Барин, – которую она по той или иной причине решила не сообщать Герману. А тебе, как единственной подруге, она может рассказать между делом о планах заговорщиков.

Мне совсем не хотелось становиться агентессой при Баринове и его конторе. Только ведь, если заговорщики все же сумеют убить царя... Ведь они не пожалеют ни супругу, ни царских детишек. Возможно, что эти изверги не тронут великого князя Александра Павловича, потому что им будет нужна марионетка, обладающая правами на российский престол. Нет, лучше, чтобы такого не произошло. И я согласилась...

Сегодня вечером, как всегда, мы отправились с Барбарой в нашу «лазню» – так по-польски моя подруга называла санузел, в котором мы споласкивались перед сном. Стараниями моего отца и Кулибина для нас там сварили что-то вроде душевой кабинки, чана с теплой водой и лавок, на которых можно было посидеть и немного обсохнуть. По указанию императрицы нас за счет казны регулярно снабжали довольно приличным душистым мылом. Только я все равно скучала по оставшимся в ХХI веке шампуням, лосьонам и кондиционерам.

Барбара сегодня была явно не в настроении. Она не болтала со мной, как обычно, о разных пустяках, а все больше молчала. А на мои вопросы отвечала неохотно и односложно. Я попыталась ее разговорить, но у меня долго ничего не получалось.

Но не зря папа называл меня маленькой занудой. После того, как мы помылись и, завернувшись в простыни, присели на лавочку, чтобы расчесать волосы, Барбара неожиданно всхлипнула, а потом разревелась, да так, что слезы из ее глаз полились ручьем.

Я попыталась ее успокоить, и, в конце концов, мне это удалось. Обтерев заплаканное лицо Барбары мокрым полотенцем и приобняв ее за плечи, я стала убеждать польку, что все

вокруг хорошо, мир удивителен и прекрасен, а потому надо радоваться ему и стараться не замечать разных неприятных пустяков.

Барбара немного успокоилась, с благодарностью посмотрела на меня, а потом, как обычно бывает в подобных случаях у нас, женщин, ее прорвало, и она со мной разоткровенничалась.

– Я так боюсь, что эти мерзавцы убьют Германа, – дрожащим голосом сказала она. – Они настоящие забуйцы⁵. Панна Дарья, если бы вы только знали, что они готовят. Они хотят убить самого... – тут Барбара вздернула подбородок кверху, показывая, что речь идет об очень и очень высокопоставленной особе.

– Кто они, я ничего не понимаю?.. И при чем тут Герман? – прикинувшись шлангом, спросила я.

– О, это очень страшные люди. Они готовятся напасть на царский дворец, чтобы убить императора Павла и всю его семью. Главный у них – князь Чарторыйский. Этот сын курвы наставляет рога великому князю Александру. А сам мечтает перебить все царское семейство и сесть на русский трон. «Мы, Гедиминовичи, знатнее Романовых!» – хвастался он. А ведь все в Польше знают, что никакой он не Гедиминович, а бастард, которого его мать нагуляла с князем Репниным.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась я. – А ведь род князей Репниных идет от великого князя киевского Михаила Всеволодовича. То есть настоящий отец пана Адама – Рюрикович. Впрочем, как я слышала, Чарторыйский еще тот мерзавец – живет в доме великого князя Александра Павловича, а в благодарность за гостеприимство занимается блудом с супругой своего благодетеля.

Барбара грустно покачала головой.

– Панна Дарья, этот лайдак получил золото – много золота – от англичан. Он собирает под свои знамена всех недовольных императором Павлом и говорит, что русского царя надо непременно убить. Только сделать это будет не так-то просто. Мой Герман... – тут Барбара снова захлопала носом, – будет защищать императора до последнего и может погибнуть. А я этого совсем не хочу...

Чтобы у прекрасной польки опять не началась истерика, я снова обняла ее за плечи. Барбара прижалась ко мне, как ребенок к матери.

– Ничего не бойся, – шепнула я ей на ухо. – Мы сделаем все, чтобы царь, его семья и твой ненаглядный Герман остались живы. Я тебе обещаю. Ты мне веришь?

Барбара радостно закивала.

– Я верю тебе, панна Дарья. Вы все необычные люди. Я смотрю на вас и не могу понять – кто вы и откуда. Иногда мне кажется, что вы не от мира сего. Я спрашивала об этом Германа, но он лишь смеялся и крепко-крепко целовал меня.

Полька вздохнула и мечтательно прикрыла свои прекрасные глаза.

«Счастливица, – подумала я. – Хорошо бы, чтобы у нее с Германом все сладилось... Интересно, а как там живет-поживает Саша Бенкендорф? Он скоро должен приехать в Петербург. А я... А я по нему очень-очень соскучилась».

6 (18 июня) 1801 года.

Королевство Пруссия. Дорога неподалеку от Франкфурта.

Майор ФСБ Андрей Кириллович Никитин,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

В наше время этот город назывался Франкфуртом-на-Одере. Здесь, когда еще существовал Советский Союз, стояли части ГСВГ, в одной из которых служил отец моего хорошего

⁵ Убийцы (польск.).

знакомого. Когда-то это был большой и богатый город, лежавший на торговом тракте между Позеном и Берлином.

Франкфурт сильно разрушили во время Тридцатилетней войны – его население с двенадцати тысяч человек уменьшилось до двух с половиной тысяч. А в 1759 году неподалеку от Франкфурта близ селения Кунерсдорф прусский король Фридрих II потерпел страшное поражение от русской армии, которой командовал генерал Петр Салтыков.

Я рассказал об этом сражении Наполеону. Тот признался, что читал о нем, но подробности битвы ему неизвестны. Пришлось мне на время стать лектором и поведать будущему императору про то, как Старый Фриц едва унес ноги с поля боя, потеряв свою треуголку, и в отчаянии писал: «От армии в 48 тысяч у меня в эту минуту не остается и 3 тысяч. Все бежит, и у меня нет больше власти над войском... Последствия битвы будут еще хуже самой битвы: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным...»

Бонапарт с сомнением покачал головой:

– Не может такого быть! Король Фридрих был великим полководцем. Ему удалось разбить даже французов под Россбахом. А тут какой-то... Как вы сказали, Андре, Салты...

– Салтыков. Петр Семенович Салтыков. Он, кстати, имел честь скрестить шпаги и с французами. Дело было в 1734 году. Тесть французского короля Станислав Лещинский, сам бывший польский король, решил снова вскарабкаться на трон в Варшаве. Король Людовик XV прислал на помощь отцу своей супруги эскадру и десант – две тысячи человек. Корпус фельдмаршала Миниха осадил Данциг, в котором укрылся Станислав Лещинский, и заставил гарнизон и французов сложить оружие. В составе корпуса Миниха и воевал будущий победитель Фридриха Великого.

– Я плохо знаю историю вашей страны, Андре, – со вздохом произнес Бонапарт. – Хочу попросить вас, если это возможно, рассказывайте мне почаще о ней. Ведь мы должны лучше знать друг друга.

Во Франкфурте мы отдыхали целый день. Наполеон рвался в Париж, но кавалькада карет и повозок двигалась довольно медленно. Следовать же домой небольшой группой, так, как он инкогнито ехал в Кёнигсберг, я Бонапарту отсоветовал. Кстати, меня в этом поддержал и генерал Баринов, с которым я связался по радиции.

– Не хочу вас расстраивать, ребята, – сказал он, – но у нас тут назревает какая-то нехорошая движуха. Возможно, что готовится «второй акт марлезонского балета», сиречь царевичество. Мы, конечно, не позволим польским недобиткам и французским роялистам убить императора, но может произойти всякое. В свою очередь, в ваших краях может начаться охота на Наполеона. Он для наших недоброжелателей не менее опасен, чем Павел. Потому вам лучше держаться вместе и смотреть в оба. Британцам терять нечего, и они могут пойти ва-банк.

Я рассказал Наполеону о разговоре с Бариновым. Тот не удивился и к предупреждению о возможных неприятностях отнесся с полной серьезностью и пониманием.

– Андре, я думаю, что союз, заключенный между нашими странами, – это страшная опасность для Британии. Там, узнав о сближении Франции с Россией, даже сменили правительство – вместо Вильяма Питта-младшего премьером сделали Аддингтона.

Я усмехнулся, вспомнив, что в досье, которое подготовил для меня Василий Васильевич Патрикеев, говорилось, что Генри Аддингтон, нынешний премьер-министр Соединенного королевства, фактически является марионеткой Питта-младшего.

Но разговоры разговорами, а меры предосторожности принять все же следовало. Я тщательно проинструктировал своих бойцов, предупредив, чтобы они смотрели в оба. Потом переговорил с французами, сопровождавшими Бонапарта. Те поначалу косились на моих парней, но после того, как те, разминаясь, показали свои умения в рукопашке, резко их зауважали. Ну и, естественно, меня, как их начальника. Кроме того, видя мои доверительные отношения с Наполеоном, они сделали соответствующие выводы и перестали со мной препираться.

А вот просить помощи у пруссаков не стоило. Расставаясь, генерал Блюхер в изрядном подпитии, правда, заявил, что если нам понадобится его помощь, то он – завсегда пожалуйста. Похоже, что старый гусар не зря трепал языком и сказал это от чистого сердца. Но к пруссакам мы обращаться не будем. Кортёж сопровождают несколько кавалеристов, только они скорее находятся при нас ради приличия, чем для обеспечения безопасности.

Мне почему-то казалось, что британцы и их подельники должны попытаться снова применить что-то вроде «шахид-телеги», как это они уже сделали в Париже на улице Сен-Никез. Но они могут дополнить взрыв адской машины огнем снайперов, которые добьют тех, кто уцелел. Нечто подобное я видел в компьютерной игре «Ассасин's Крид». Там ассасины помогают спасти Бонапарта. Забавно, получается... Это что, мы будем играть на стороне ассасинов?

Вечером, когда мы благополучно покинули Франкфурт и двинулись дальше, Наполеон подсказал ко мне и спросил, знакомы ли мне имена тех, кто готовит в Петербурге покушение на императора Павла. Услышав имя Карло Поццо ди Борго, он изменился в лице и даже скрипнул от злости зубами.

– Как же, как же, я хорошо знаком с этим подонком. А ведь когда-то, Андре, мы были с ним лучшими друзьями. Я тогда жил на Корсике. Мы оба сходили с ума, читая Руссо, и мечтали вместе с легендарным Паскуале Паоли бороться за независимость нашего любимого острова. А потом...

– А что было потом? – поинтересовался я у Бонапарта.

– А потом он предал меня, – с горечью произнес Наполеон. – Паоли и Поццо ди Борго снюхались с англичанами и стали готовиться к мятежу с целью отделения Корсики от Франции. Я был против этого – и потому стал их врагом. Моя попытка направить петицию в Париж о готовящемся мятеже через якобинский клуб в Аяччо – да-да, Андре, в молодости я, как и многие, был якобинцем – закончилась тем, что Паоли начал на меня охоту, как на дикого зверя. Моих братьев и меня объявили врагами корсиканской нации. Представляете, Андре, – врагом нации меня, корсиканца, готового отдать всего себя за мой прекрасный остров! Ко мне домой заявились люди Паоли. Я догадывался, что счет моей жизни пошел на часы. Меня убили бы по приказу Паоли, причем палачом стал бы мой бывший друг Поццо ди Борго.

Наполеон хмуро взглянул на меня. Я понял, что воспоминания о том, что происходило совсем недавно, когда он был всего-навсего нищим офицером, не доставляют ему большого удовольствия. Но он вздохнул и продолжил свой рассказ:

– Андре, я решил бежать, чтобы спасти свою шкуру. Ночью я сумел выбраться через окно из дома, где я фактически находился под арестом. Петляя в зарослях маки⁶, я тайком пробрался в Аяччо. Мне пришлось, словно дикарю, скрываться в пещерах и хижинах пастухов. Меня приютил мой кузен, Жан-Жером Леви. Но, видимо, кто-то донес и на него. В дом Леви пришли жандармы. Но я в последний момент успел выпрыгнуть через окно в сад и стал пробираться к морю. Там я сел на лодку и доплыл до Макинаджо. Каким-то чудом мне удалось раздобыть лошадь и, перевалив через горы, добраться до Бастии. Оттуда я переслал через верных людей записку матери в Аяччо, в которой были такие слова: «Preparatevi: questo paese non è per noi»⁷. Моя матушка все поняла правильно и той же ночью с тремя моими малолетними братьями и сестрой бежала из нашего дома настрада Малерто. Сделала она это вовремя – через несколько часов после ее бегства молодчики Паоли разнесли в щепки дом, в котором я родился и в котором долго и счастливо жила моя семья. Мы спаслись, но никогда больше я не вернулся на Корсику. «Эта страна не для нас», – написал я. Но в душе Наполеоне Буонапарте

⁶ Во Франции густые заросли вечнозеленых и колючих растений называют «маки». Отсюда, кстати, и получили свое прозвище бойцы французского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

⁷ «Приготовьтесь, эта страна не для нас» (итал.).

все же остался корсиканцем. И если вы, Андре, прикончите этого мерзавца Поццо ди Борго, то я стану вашим пожизненным должником.

Наполеон дружески похлопал меня перчаткой по плечу и направился к Дюроку, который внимательно разглядывал что-то на горизонте впереди нас. Я тоже достал бинокль, чтобы посмотреть, что именно так сильно заинтересовало генерала.

Навстречу нам по дороге со стороны Берлина во весь опор скакало десятка два всадников. Судя по форме – а я уже немного научился разбираться в здешних мундирах – это были гусары. Ничего особенного – прусские кавалеристы направляются куда-то по каким-то своим служебным надобностям. Но Дюрок был несколько другого мнения о происходящем.

– Странно, очень странно, – бормотал он, разглядывая мчавшихся навстречу нам гусар. – Что-то тут не так...

– А что не так? – спросил я.

– Вот, Андре, изволь, взгляни, – Дюрок указал рукой на всадников. – Судя по мундирам – это гусары. Но почему-то у двух из них вместо положенных им сабель на боку драгунские палаши. А вот еще один – у него карабин висит не через левое плечо, как положено, а опять-таки по-драгунски – на крюке портупей. У пруссаков с униформой и снаряжением очень строго – не может быть такого, чтобы они так вольно обращались со своей формой и снаряжением. И еще – те гусары, которых мне дал в сопровождающие генерал Блюхер, куда-то подевались. Они или отстали, или...

– Понятно, – процедил я. – Значит...

– Это значит, Андре, – решительно произнес Дюрок, – что люди, которые преследуют нас, совсем не те, за кого они себя выдают.

Дюрок поднялся в стремях и громко крикнул:

– *Alerte à l'arme!*⁸

Я же врубил рацию и гаркнул:

– Внимание! Приготовиться к бою!

6 (18 июня) 1801 года.

Королевство Пруссия. Дорога неподалеку от Франкфурта.

Капитан Казбек Бутаев,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Я уже начал было скучать – едем мы себе, едем по Европе, разглядываем немецких бюргеров и их жен в кружевных чепцах. Рядом с нами Наполеон Бонапарт, с которым мы не спеша беседуем. Словом, сплошная идиллия. Но, как говорил Александр Блок: «Покой нам только снится». И скучать нам не дают враги наши, как внутренние, так и внешние.

Не знаю, на что рассчитывали эти «абреки». Может быть, они решили, что у них прокатит по-наглому напасть на наш кортеж и под шумок подстрелить господина Первого консула? Если так, то замысел их был порочен с самого начала. Ну не такие уж мы с французами лохи, чтобы нас можно было вот так запросто обвести вокруг пальца.

Первым тревогу забил Дюрок. Нет, не зря Наполеон держал его при себе и давал самые деликатные поручения. Генерал сразу увидел несурзности в обмундировании и снаряжении этих ряженных и сообщил об этом Киру. Тот отдал команду, и все приготовились к бою. Броники у нас были под рукой, оружие тоже. Как действовать в подобных случаях, мы тоже знали.

Самое сложное было утащить в какое-нибудь импровизированное укрытие самого Бонапарта. Тот неожиданно заартачился и решил лично поруководить отражением вооруженного нападения. Но Никитин так цыкнул на него, что Первый консул от неожиданности даже поперхнулся и безропотно позволил своим «бодигардам» запихнуть его за одну из карет.

⁸ Тревога! К оружию! (фр.)

– Внимание! – передал по радиации Кир. – Огонь открывать без команды. Как только кто-то из этих «ковбоев» попытается по нам пальнуть – валите его не раздумывая.

Правда, старший наряженных в мундиры прусских гусар налетчиков сперва попытался запудрить нам мозги, достав из кармана какую-то бумагу и заорав с расстояния двадцати шагов во всю глотку, что, дескать, в нашу делегацию затесался беглый фальшивомонетчик, которого следует немедленно выдать местной полиции.

– У нас есть приказ, подписанный самим королем Пруссии! – вдохновенно врал ряженный «пруссак». – Дайте нам осмотреть всех, кто следует с вами! Не бойтесь, честных людей мы не тронем!

– По-немецки он говорит вроде правильно, – тихо сказал мне Дюрок, – но он не немец. Похоже, что этот мерзавец родом из Эльзаса.

– Мы французы, которые с разрешения прусского короля Фридриха Вильгельма находились в Кёнигсберге, а теперь возвращаемся в Париж! – крикнул ему Дюрок. – Мы находимся под защитой прусской короны, и потому вы не имеете права что-либо от нас требовать!

Слова французского генерала явно не понравились предводителю ряженных «гусар». Он вскинул карабин, но выстрелить не успел. Я нажал на спусковой крючок раньше, и наглец, получив пулю в лоб, запрокинулся в седле.

Дальше началась пальба, и все пространство между нами и «пруссаками» быстро затянулось пороховым дымом. Но мы стреляли чаще и более метко. Потеряв половину своих людей, фальшивые «гусары» пустились наутек. Свалив одного из беглецов, я осмотрелся. Несколько французов было ранено. В числе их оказался и Дюрок, получивший пулю в левое предплечье. Я подскочил к генералу и осмотрел его рану. В общем, ничего страшного. Надо только хорошенько ее продезинфицировать и перевязать руку, что я и предложил сделать Дюроку. Тот, однако, лишь отмахнулся от меня.

– Как там Первый консул? – спросил он. – Он не ранен?

– Нет, мой верный Дюрок, – неожиданно раздался голос Наполеона у нас за спиной, – этим мерзавцам не удалось меня подстрелить. Наши русские друзья со своим удивительным оружием способны перестрелять банду и в два раза большую, чем та, которая имела наглость напасть на нас. Надо осмотреть поле боя – может быть, мы найдем среди убитых и раненых парочку тех, кто сумеет удовлетворить наше любопытство.

Дюрок, так и не дав себя перевязать, помчался в сторону лежавших на дороге тел. Вместе с ним поскакал и майор Никитин с пистолетом в руке. Кто его знает, может быть, среди раненых найдется и такой хитрец, который захочет перед тем, как отправиться в страну вечной охоты, завалить кого-нибудь из нас.

7 (19 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Старший лейтенант ФСБ Герман Совиных,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

Заваруха, похоже, намечается неслабая. От своей Барби – так я про себя теперь называю Барбару – мне стало известно, что ее приятели собираются повторить попытку убийства царя. На этот раз они неплохо все просчитали и действовать будут на полном серьезе. Никаких теперь пьяных гвардейцев, размахивающих шпагами так, что от них шарахаются все встречные, никаких блужданий в потемках по коридорам Михайловского дворца. Работать будут головорезы, имеющие немалый опыт «лишения живота» своих ближних.

Имена большинства из них мне ничего не говорили. Но наш всезнающий Василий Васильевич Патрикеев сказал мне, что ребята, которые собираются напасть на императора и его семью, и в самом деле весьма опасны.

– Герман, поляки – соотечественники твоей Барбары – озлоблены до предела. Они участвовали в мятеже, который поднял Костюшко в 1794 году. Ты что-нибудь слышал о «Варшавской заутрене»?

Я покачал головой. В школе на уроках истории нам рассказывали, что генерал Тадеуш Костюшко, оказав помощь братскому народу Соединенных Штатов в борьбе за независимость от британской короны, вернулся в Европу, решив продолжить борьбу с кровавым царским режимом, сразившись с ним за свободу Польши. Слышал я и о дивизии имени Костюшко, сформированной в СССР и воевавшей против немцев во время Великой Отечественной войны. В Питере еще есть улица Костюшко. А о какой-то там «заутрене» в Варшаве я ничего не читал.

– А зря, – нахмурившись, ответил мне Василий Васильевич. – Нас, русских, заставляют каяться за всякие там выдуманные преступления против других народов, вроде Катыни. А вот о своих кровавых подвигах «обиженные» нами почему-то категорически не желают вспоминать и каяться. Хотя им есть за что просить у нас прощения.

Произошло все в Великий четверг 17 апреля 1794 года в Варшаве. Чтобы ты лучше понял, как все происходило, я просто процитирую, к большому сожалению, забытого у нас писателя Александра Бестужева-Марлинского. Сейчас ему всего три года. За участие в восстании декабристов в нашей истории его сослали в Якутск. Оттуда, по его прошению, он отправился на Кавказ, где храбро сражался с немирными горцами. Александр Бестужев погиб в стычке с врагом у мыса Адлер. Так вот, что писал писатель и воин о кровавом четверге 1794 года: «Тысячи русских были вырезаны тогда, сонные и безоружные, в домах, которые они полагали дружескими. Заговор веден был с чрезвычайною скрытностью. Тихо, как вода, разливалась враждебная конфедерация около доверчивых земляков наших. Ксендзы тайно проповедовали кровопролитие, но в глаза льстили русским. Вельможные паны вербовали в майонтках своих буйную шляхту, а в городе пили венгерское за здоровье Станислава, которого мы поддерживали на троне. Хозяева точили ножи, – но угощали беспечных гостей, что называется, на убой; одним словом, все, начиная от командующего корпусом генерала Игельстрома до последнего денщика, дремали в гибельной оплошности. Знаком убийства долженствовал быть звон колоколов, призывающих к заутрене на светлое Христово воскресенье. В полночь раздались они – и кровь русских полилась рекою. Вооруженная чернь, под предводительством шляхтичей, собиралась в толпы и с грозными кликами устремлялась всюду, где знали и чаяли москалей. Захваченные врасплох, рассеянно, иные в постелях, другие в сборах к празднику, иные на пути к костелам, они не могли ни защищаться, ни бежать и падали под бесславными ударами, проклиная судьбу, что умирают без мести. Некоторые, однако ж, успели схватить ружья и, запершись в комнатах, в амбарах, на чердаках, отстреливались отчаянно; очень редкие успели скрыться».

– Сколько же русских погибло в тот день? – спросил я.

– Историки считают, что из восьми тысяч русских, находившихся в то время в Варшаве, погибло 2200 человек. Еще 260 было взято в плен. Участь их была незавидной – мятежные поляки вымещали на них злобу за последующие неудачи на поле боя. Учти, Герман, что многие из соотечественников твоей Барбары, которые сейчас так активно готовятся к цареубийству, семь лет назад хладнокровно резали глотки русских только за то, что они русские.

– Ну а остальные заговорщики? Вроде того, который с длинной импортной фамилией?

– Это ты о Поццо ди Борго? Да, это весьма любопытный экземпляр авантюриста и предателя. Если тебе удастся добыть его скальп, то ты заслужишь великую благодарность самого Наполеона Бонапарта.

– А что, они знакомы? – поинтересовался я.

– Они даже родственники – Шарль-Андре Поццо ди Борго приходится Наполеону пяти-юродным братом. Он был однокашником старшего брата Наполеона – Жерома Бонапарта. Они вместе учились в Пизанском университете. Через Жерома Шарль-Андре и познакомился с

Наполеоном. А потом... А потом начавшаяся Великая Французская революция окончательно рассорила их. Семью Бонапартов изгнали с Корсики, причем в преследовании своих земляков и родственников принял активное участие этот самый Поццо ди Борго.

– И теперь, как истинный корсиканец, господин Первый консул желает осуществить вендетту? – спросил я.

– Именно так. К тому же этот самый «кровник» Наполеона продан с потрохами британцам, и в наших краях он оказался, похоже, неслучайно. Кстати, Герман, когда вы будете ликвидировать всю эту шайку-лейку, неплохо бы Поццо ди Борго взять живым. Этот мерзавец может рассказать нам много интересного.

– Я вас понял, Василий Васильевич. А как мне быть с Барбарой? Ведь она, хоть и косвенно, но тоже имеет какое-то отношение к цареубийцам.

– Не бойся, Герман, твоя польская красавица пройдет по делу исключительно как свидетельница. Император благословит вас, и ты сможешь с чистым сердцем вести ее под венец.

Гм. Однако... Предложение Василия Васильевича показалось мне слишком уж радикальным. Но, с другой стороны, надо ведь как-то обживаться в здешних временах. Ведь, похоже, мы тут застряли надолго, если не навсегда. А Барби мне нравится. Очень даже нравится. И я был бы не против, если бы она стала моей супругой.

– И еще, Герман, – нахмурившись, произнес Василий Васильевич. – Мой тебе совет – хорошенько присматривай за Барбарой. Ее опасные друзья могут заподозрить твою мадемуазель в связях с нами. Для них прикончить человека – что рюмку старки выпить. Поганый это народец. К тому же и Барбара будет не против, если ты больше времени будешь ей уделять. Или я не прав?..

Тут Василий Васильевич неожиданно подмигнул мне и рассмеялся.

Часть 2

Дорожные войны

8 (20 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург.

Дорога между Царским Селом и Павловском.

Алексей Алексеевич Иванов, частный предприниматель и любитель военной истории

Пока мои приятели активно занимаются большой политикой, я помогаю Димону прогрессорствовать. Мы изобретаем велосипед, то есть вспоминаем те вещи, которые здесь в новинку, а в нашем времени давно уже устарели. Например, локомобиль. Что это за штука такая, в моем времени помнили немногие. На самом же деле это обычный передвижной паровой двигатель, используемый для сельскохозяйственных нужд и выработки электричества в полевых условиях. Именно для привода генератора мы и собирались использовать локомобиль.

Аккумуляторы для раций и других приборов мы заряжали с помощью солнечных батарей. Но сии штуки можно было использовать лишь в светлое время суток. К тому же они привлекали внимание здешних хроноаборигенов, и для охраны их в момент зарядки приходилось использовать Джексона либо выставять охранника из числа «градусликов». Во избежание, так сказать...

Если же сварганить локомобиль и заставить его вращать вал электрогенератора, то получится вполне неплохое сочетание двигателя XIX века и динамо века двадцать первого. Да и для других целей локомобиль может пригодиться. Ведь для него подходит любое топливо – уголь, дрова, словом, все, что горит.

Как мог, я набросал схему парового двигателя для здешних мастеров. К тому времени они под руководством Кулибина уже вовсю работали над созданием парового двигателя для корабля, и потому смышленные медники, кузнецы и токари довольно быстро разобрались, что к чему. Димон, правда, начал было утверждать, что пароход важнее, и потому мой локомобиль может и подождать. Но я убедил его, что наши радиостанции надо будет в походе чем-то заряжать, причем не всегда это можно делать спокойно, под ласковыми лучами южного солнышка. Свежеиспеченный лейтенант Российского флота почесал свою уже изрядную лысину и вынужден был согласиться, что одно другому не помеха. На том мы с ним и порешили.

А вчера императрица Мария Федоровна вытащила меня из Петербурга в Павловск. Она решила похвастаться своей резиденцией, в которой, по ее словам, будучи еще великой княгиней, чувствовала себя счастливой и беззаботной.

– Ах, Алексей Алексеевич! – кокетливо воскликнула императрица. – Сразу же после того, как покойная государыня Екатерина подарила нам эти земли, мы построили два небольших домика. Первый мы назвали Паульлуст – Утеха для Павла, а второй – Мариенталь – Долина Марии. Они так были похожи на домики, которые мой батюшка, герцог Вюртембергский, построил в Этюпе неподалеку от Монбельяра. Мне все так там понравилось, что, когда мой супруг получил в подарок мызу Гатчино⁹, он подарил мне это райское место, где я уже на правах хозяйки начала строить дворец. Если бы вы знали, сколько сил я потратила для того, чтобы здесь наконец появилось чудо, которое я буду рада вам сегодня показать.

Я не сказал императрице о том, что мне уже приходилось не раз бывать в Павловске, и что я полностью согласен с ее словами. Место это удивительное. Каждый раз, бродя по прекрасному парку, я наслаждался природой и постройками, возведенными среди деревьев. В долине

⁹ Именно так изначально писалось название Гатчины.

реки Славянки возвышалась колоннада Аполлона, Холодная баня, павильон «Храм дружбы» и Пиль-башня, неказистая снаружи и роскошно обустроенная внутри. Мария Федоровна хотела не только показать мне дворец и парк, но и посоветоваться со мной насчет своего нового проекта. Как-то раз я показал ей фотографии некоторых своих творений, срубленных для заказчиков, которые не скупилась на расходы и желали, чтобы я возвел для них «фазенду» в русском стиле. Дома и бани, украшенные резными наличниками, ставнями и балясинами, настолько понравились императрице, что она захотела построить на территории Павловского парка нечто вроде русской деревни. Я попытался было возразить, что у меня нет нужного инструмента, а самое главное, времени, но мои возражения не остановили ее.

– Алексей Алексеевич, – Мария Федоровна томно взглянула на меня своими прекрасными глазами, – я очень вас прошу, помогите мне осуществить мою мечту. Очень хочется, чтобы у меня были такие же красивые и уютные избушки, как те, что изображены на ваших чудесных картинках.

В этом мире не принято отказывать в чем-либо коронованным особам, а уж тем более женщинам. Вздыхнув, я согласился, и вот теперь в карете Придворного ведомства мы едем в Павловск. Что ж, скоро только сказка сказывается... Посмотрим на парк, прикинем, что и где можно будет в нем построить. Перед строительством не мешает определиться, где именно расположить новостройки. К тому же надо будет подготовить фундаменты, найти выдержанный лес, нанять хороших плотников, словом, к тому времени, когда можно будет приступить к делу, возможно, что у императрицы и пропадет охота к строительству русской деревни.

Вместе со мной в поездку в другой карете отправилась моя неугомонная дочурка. В последний момент Баринов настоятельно приказал мне захватить на всякий случай Сыча – Германа Совиных, который должен обеспечить нашу безопасность. Старлей же, в свою очередь, попросил взять в поездку его фемину – польку Барбару. Честно говоря, вот ее-то брать мне не очень-то и хотелось, но за нее попросила моя Дашка.

– Папа, да ты не бойся, все будет нормально. Барби просто с ума сходит по Герману. И пакостить нам она уже больше не будет. А мы хотим просто выбраться на природу – надоело нам торчать в этом замке, словно под арестом.

Мое отцовское сердце не выдержало, и я согласился. Дашка, Герман и Барбара чинно и вежливо, словно пай-мальчик и пай-девочки, поздоровались с императрицей и со мной. А потом загрузили в свою карету винтовку СВД, «калаш» с глушителем и подствольником и несколько броников. Я вспомнил, что Баринов говорил о безопасности нашей поездки, и тяжело вздохнул. Мне почему-то вдруг резко расхотелось ехать в Павловск, но я уже дал слово, и теперь мне некуда было деваться. Для себя я прихватил в дорогу ПМ в подмышечной кобуре и несколько снаряженных магазинов к нему. Во избежание, так сказать...

Миновав Царское Село, мы выехали на дорогу, ведущую к Павловску. Ее окружал густой хвойный лес, в котором так любила охотиться покойная императрица Екатерина Великая. День выдался хороший, припекало солнце, и от сосен исходил приятный запах смолы и хвои. Лошади похрапывали и мягко шлепали копытами по влажной грунтовой дороге. Красота!

Я закрыл глаза и на мгновение представил, что все произошедшее со мной и моими друзьями мне лишь приснилось, и что вечером я буду сидеть в своей квартире и обсуждать с женой дневные события...

Неожиданно впереди нас раздался треск и шум упавшего дерева. Я вздрогнул, сунул руку под мышку и нащупал рукоятку пистолета.

– Что это! – испуганно воскликнула императрица. Она побледнела и непроизвольно схватила меня за рукав. – Скажите, это разбойники?!

Сидевшая рядом с ней статс-дама побледнела и едва не хлопнулась в обморок.

– Сидите спокойно, ваше величество, я сейчас все узнаю.

Достав пистолет и дослав патрон в патронник, я осторожно выглянул из кареты...

8 (20 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Дорога между Царским Селом и Павловском.

Старший лейтенант ФСБ Герман Совиных,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Град»

После вчерашнего разговора с Василием Васильевичем я крепко задумался. Раньше мне как-то не приходила в голову мысль о том, что в этих веселых временах мы застряли надолго, если не навсегда, и надо здесь обжиться. Да и о женитьбе, даже в нашем ХХI веке, я тоже не помышлял. Во-первых, мне не встречались особы, коих я посчитал бы достойными кандидатами для похода в загс. А, во-вторых, работа у меня была такая, что супруга моя в любой момент могла бы оказаться вдовой. Такое у нас случалось время от времени. Как говорил наш шеф, Николай Михайлович: «Это рабочие моменты».

А вот с Барбарой, я считаю, мне повезло. Легкая и поначалу и ни к чему не обязывающая интрижка неожиданно для меня превратилась в нечто большее. Конечно, в голове прекрасной польки было много дури, но постепенно она начала мыслить вполне адекватно, и больше я не слышал от нее слов о «Польше от моря до моря» и о «пшеклентых москалях», которые «загубили Речь Посполитую». Главным же во всем этом было то, что она влюбилась в меня, что называется, без памяти. И даже не за те постельные гимнастические упражнения, которые мы проделывали с ней по ночам к общему для нас удовольствию. Я же взрослый мужик и уже могу отличить стремление самки к совокуплению от настоящего женского чувства к любимому человеку.

Словом, когда мы окончательно разберемся с заговорщиками, я предложу Барбаре как-то узаконить наши отношения. Правда, она категорически не желает переходить в православие, а я – становиться католиком. Но, думаю, можно будет найти консенсус, как говорил один бывший генсек.

Пока же я рассказал Барбаре о том, что утром отправляюсь с императрицей Марией Федоровной и Алексеем Алексеевичем Ивановым в Павловск. Моя Барби о чем-то задумалась, а потом спросила, дозволено ли будет ей поехать вместе с нами. Вообще-то такие вопросы решал не я, и потому предложил Барбаре хитрый ход – воздействовать на Алексея Алексеевича через его дочку Дарью. Как я успел заметить, эта новоявленная амазонка имела немалое влияние на отца. К тому же Барбара успела подружиться с Дарьей.

В общем, вопрос в итоге был решен положительно, и мы уже несколько часов не спеша, расположившись на мягких сиденьях, едем втроем в роскошной карете в Павловск. Мы с Дарьей бывали там в наше время, и потому мы вкратце рассказали Барбаре о дворце и о замечательном парке, который искусствоведы считали одним из лучших пейзажных парков мира. Дарья со смехом рассказала, как белки, которые во множестве водились в парке, требуя от посетителей гостинцев – орешков и семечек, карабкались по ее одежде и прямо с ладоней хватали лакомства. Я же рассказал о наших сибирских бурундуках, которые не были такими же ручными, как павловские белки, но тоже любили получать от людей разные вкусняшки, которые тут же прятали в своих тайничках.

Так, с шутками и прибаутками, мы миновали Царское Село и свернули на дорогу, ведущую в Павловск. Скоро мы оказались в лесу, и мне почему-то стало неудобно. Не знаю, из-за чего, собственно, возник дискомфорт – погода стояла отличная, светило яркое солнце, грунтовка была почти ровная, и карету не трясло. Но в подсознании у меня появилась мысль о том, что что-то непременно должно произойти.

Барбара, словно прочитав мои мысли, тоже насторожилась. Веселая беседа, которую она вела с Дарьей, как-то сама по себе прекратилась. Все будто ждали чего-то. И дождались.

Впереди нас раздался шум падающего дерева. Конечно, это могло быть и простой случайностью, но мне подобные случайности категорически не нравились. Дарья, как более опытная в подобных вещах, тоже сделала стойку и потянулась к оружию.

Карета остановилась. Я схватил лежавший на сиденье рядом со мной автомат и, велев дамам сидеть тихо и не рыпаться, осторожно приоткрыл дверцу и выглянул наружу. У кареты, в которой ехала императрица, стоял Алексей Алексеевич с пистолетом в руке. Похоже, и он заподозрил нечто опасное для всех. Внимательно оглядевшись по сторонам, я подошел к нему.

– Что случилось, Алексеич?

– Вон, видишь, дерево впереди упало и перегородило дорогу. И, похоже, не само упало, а кто-то ему помог это сделать.

– Думаешь, наши заклятые друзья шалят?

– Все может быть. Надо оглядеться как следует.

Я достал из кармана небольшой бинокль и, вскочив на козлы к испуганно озирающемуся кучеру, стал осматривать местность. Вроде ничего подозрительного, только вот впереди поперек дороги лежало свежесрубленное дерево – были хорошо видны свежие щепки на грунтовке.

Вывод – это засада. А огонь неизвестные не открыли лишь потому, что кое-кто из нас им нужен был живым. Они ждали, когда кучер и лакеи попытаются убрать с дороги дерево. Тогда в каретах останутся женщины и некомбатанты, коих легко захватить в полон. Сопровождавшие наш кортеж кавалергарды – не в счет. Их всего шестеро, они сидят на лошадях, и пристрелить их – дело пары минут. Надо, кстати, их предупредить.

Я подошел к старшему конвоя, поручику, и предложил ему отдать команду своим подчиненным спешиться и приготовить оружие. Взглянув на меня, красавец в белых лосинах и в красном мундире не стал возражать и приказал всем слезть с коней и достать из седельных кобур пистолеты.

Прошло несколько минут, но противник так себя и не обнаружил.

Гм, сие означает лишь одно – «группа захвата» немногочисленна и собирается действовать наверняка. Это очень даже приятно – если бы налетчиков оказалось много, то они просто смяли бы нас своей массой. Тут и наше оружие не помогло бы.

Ага, вон что-то шевельнулось в кустах впереди. Я присмотрелся – это был человек, причем вооруженный.

– Алексеич, беги в нашу карету и возьми броник. Дай его Дашке – пусть она наденет его на императрицу. И сама тоже накинёт броник – я захватил на всякий случай парочку. Мария Федоровна должна остаться живой и невредимой. Остальные – по возможности.

Пока Иванов объяснялся с императрицей, я снова взглянул в бинокль. За уже засветившимся человеком, сидевшим в кустах, мне удалось обнаружить еще двоих. Но несомненно, что нападавших было гораздо больше. Они обошли по лесу наши кареты и готовы были по команде своего главаря открыть по ним огонь.

Я опять направился к кавалергардам и велел им защищать нас с тыла. Поручик, видимо, проинструктированный заранее императором или Аракчеевым, и в этот раз не стал мне возражать. «Вот и славно, трам-пам-пам...»

Алексей Алексеевич, закрывая собой Марию Федоровну, довел ее до кареты с нашими девицами, а я тем временем продолжил наблюдение за налетчиками.

Похоже, что терпение у них лопнуло, и они решили пойти ва-банк. Их главарь громко крикнул: «Напшуд!»¹⁰ и, размахивая пистолетом, начал перебираться через поваленное дерево. Я вспомнил старый и добрый совет: гасить самого главного – и одиночным выстрелом из «калаша» уложил его наповал. Остальные, последовавшие за ним, – их было четверо – на мгновение замялись, но затем, перебравшись через ствол поваленной сосны и пальнув в нашу сто-

¹⁰ «Вперед!» (польск.)

рону из пистолетов, выхватили из ножен сабли. В карете императрицы со звоном разлетелось стекло и испуганно закричала статс-дама, которой его осколки порезали щеку. Кучер, сидевший на козлах, мешком упал на землю.

Четырьмя короткими очередями я снес бандюков и стал осматриваться по сторонам, пытаюсь обнаружить подельников убитых поляков – я теперь уже не сомневался, что это были именно поляки. И тут рядом со мной раздался выстрел из СВД. Повернувшись, я увидел Алексеича с винтовкой в руках.

– Гера, – сказал он, – тут сбоку один гад с мушкетеном нарисовался. Пришлось его пристрелить.

Мушкетон – он же тромблон – это серьезно. Короткоствольное ружье, стреляющее картечью, на близком расстоянии могло поразить сразу несколько целей. Алексей Алексеевич, заваливший бандита с таким опасным оружием, спас многих из нас от больших неприятностей.

Неожиданно в нашем тылу прогремело несколько выстрелов. Похоже, что и наши кавалергарды вступили в бой. Я бросился туда. В кустах мелькнуло несколько фигур. Не заморачиваясь, я выпустил туда несколько очередей из «калаша». Видимо, мое появление окончательно спугнуло злодеев. Кто-то из них истошно заверещал: «Ратуй се, панове!», после чего стрельба затихла и кусты снова затрещали. Недобитки с позором покидали поле боя.

«Ну, вот и все, – подумал я. – Это была славная охота...»

Повернувшись, я посмотрел на кареты. Видно было, что их немного покоцали пули. Сердце у меня сжалось от тревожного предчувствия. «Только бы эти сволочи не подранили никого из наших. Как там моя Барби?»

8 (20 июня) 1801 года.

Санкт-Петербург. Дорога между Царским Селом и Павловском.

Алексей Алексеевич Иванов, частный предприниматель и любитель военной истории

Ну вот, что называется, «сходили, попили пивка»... Сволочи англичане, сволочи поляки – их холуй! Это ж надо додуматься – напасть на кортеж императрицы! Теперь им точно не будет никакой пощады. Я уже немного успел узнать характер императора Павла и потому не завидовал всем причастным к этому нападению. Кроме тех, естественно, кому уже не был страшен суд царский, так как они теперь предстанут перед судом Божиим...

Само боестолкновение запомнилось мне как-то фрагментарно. Видимо, не военный я человек, не могу мыслить и воспринимать окружающую действительность так, как люди в форме.

Вот я уговариваю перепуганную Марию Федоровну отправиться в карету, где ехали моя дочь, полька и наш супермен – Сыч. Вот он, что называется, не моргнув глазом отстреливает лезущих через поваленное дерево поляков, а те как подкошенные падают на дорогу. Вот я вижу, как сбоку, через кусты к нам продирается здоровенный мужик в синем камзоле и треуголке, держащий в руках ружье со стволом, похожим на дудку. «Тромблон!» – мелькнуло у меня в голове. Страшная штука, между прочим. Надо срочно его завалить. Я бросился к карете, схватил лежавшую на сиденье СВД и успел опередить амбала с тромблоном буквально на полсекунды. Тот, получив пулю в грудь, рухнул как подкошенный.

Ну а дальше началась беспорядочная пальба – кавалергарды палили из пистолетов по бандитам, те в ответ стреляли по ним и по каретам с нашими дамами. Похоже, что кого-то там они зацепили – я услышал звон разбитого стекла и женский крик. «Вроде не моей Дашки голос, – мелькнуло у меня в голове. – Неужели ранили императрицу?!»

Я рванул к карете. Внутри сидела белая как полотно Мария Федоровна в наспех натянутом на нее бронике. Она вытаращенными от страха глазами смотрела, как Дашка деловито бинтует инд-пакетом окровавленное плечо польки.

– Варя! – услышал я голос Германа. – Что с тобой?!

– Гера, ничего с ней страшного не произошло, – Дашка была на удивление спокойна и деловита. – Ее просто слегка царапнуло пулей по касательной. Шрамчик, конечно, останется, но жизни ничего не угрожает.

– Надо вызвать подкрепление, – я старался говорить спокойно, чтобы не беспокоить императрицу, которая готова была вот-вот хлопнуться в обморок от всего увиденного, – ну и осмотреться. Может, тут поблизости бродят польские недобитки.

– Сейчас, Алексеич, – Сыч снова стал невозмутим, как голливудский индеец. – Я обойду вокруг и посмотрю на «двухсотых» и «трехсотых».

– Если что, ты не спеши переводить «трехсотых» в «двухсотые». Надо допросить уцелевших, чтобы узнать, какая сволочь устроила весь этот дурацкий кордебалет.

Я, держа наготове ПМ, подошел к карете, в которой мы ехали с императрицей. Кучер был убит наповал. Один из лакеев держался окровавленными пальцами за ляжку и жалобно скулил.

– Ступай к Дарье, – сказал я ему. – Она тебя перевяжет. А то кровью изойдешь.

Тот согласно кивнул и с помощью другого лакея, который внешне выглядел целым и невредимым, заковылял к карете, превращенной моей дочкой в импровизированный пункт первой медицинской помощи.

Статс-дамы императрицы были хотя и напуганы до смерти, но тоже целы. Во всяком случае, несколько неглубоких порезов от осколков выбитого пулями стекла я не посчитал серьезными ранениями.

Сзади я услышал стоны и мужские голоса. К карете кавалергарды принесли на руках двух своих раненых. Один был тяжелый – пуля угодила ему в живот. Тут ему даже моя Дашка ничем не могла помочь. Второй держался браво, хотя бандитская пуля отсекла ему два пальца на левой руке, и кровь обильно стекала на землю.

Дашка, закончив перебинтовывать лакея, с треском вскрыла очередной индпакет и, подойдя к раненному в руку кавалергарду, начала умело перебинтовывать ему кисть.

Раненный же в живот протяжно застонал, а потом вытянулся, словно по стойке «смирно». Глаза его остекленели, дыхание остановилось.

– Умер, – хмуро произнес поручик. – Царствие ему Небесное.

Он снял с головы треуголку, а потом, немного подумав, и парик. Им он, словно платком, вытер потное и грязное лицо.

– Господин поручик, – сказал я ему. – Раненым мы окажем помощь, мертвым же никто и ничто уже не поможет. Надо послать кого-нибудь порасторопней в Петербург, чтобы доложить о случившемся государю. Самое главное – ему следует сообщить, что императрица жива и невредима.

Поручик кивнул, снова напялил на голову серый от пыли парик и треуголку и направился к своим подчиненным. Вскоре раздался конский топот. Пригнувшись к гриве коня, один из кавалергардов помчался в сторону Царского Села.

Тем временем вернулся с обхода Сыч, подгоняя пинками две понурые личности в окровавленных одеждах со связанными руками.

– Значит так, Алексеич, – сказал он. – Мы имеем в наличии восемь «двухсотых» и троих «трехсотых». Скажу сразу – один из раненых скоро отправится в ад, где ему самое место. А вот эти двое засранцев вполне транспортабельны. Раны легкие, я бы на них даже перевязочный материал не стал тратить.

– Ты хоть узнал, кто они и откуда? – спросил я Сыча. – А то, не ровен час, они от страха загнутся.

– Как я понял, компашка, напавшая на нас, больше похожа на Ноев ковчег – каждой твари по паре. Эти два «храбреца» – поляки. Но среди гордых шляхтичей оказалось несколько французов, один итальянец и один англичанин. К сожалению, британца мы пристрелили, а

макаронник успел слинять. В общем, надо пленных доставить в Кордегардию, где ими вдумчиво займутся наши «заплечных дел мастера».

– Так-то оно так, – кивнул я, – но нам все же следует дождаться подкрепления. Я поручил поручика отправить кавалергарда в Петербург. Думаю, что как только императору станет известно о нападении на кортеж его августейшей супруги, он тут же помчится ей на выручку.

– Хорошо, – кивнул Сыч. – А пока давай займемся проведением первоначальных следственных действий. Ты меня прикроешь в случае чего, а я пороюсь в карманах убиенных. Глядишь, и найдем нечто интересное и полезное, что позволит потом повязать всю их шайку-лейку...

8 (20) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Василий Васильевич Патрикеев, журналист и историк

Не хотел бы я еще раз увидеть императора Павла во гневе. Зрелище не для слабонервных.

– Как! Рядом с моей столицей вооруженные злодеи напали на мою супругу и моих друзей! Это просто... – тут император задохнулся от возмущения, и лицо его побагровело. Мне показалось, что его может хватить удар, и я громко прокашлялся, отвлекая внимание Павла от стоявшего перед ним навтыжку бедняги Аракчеева.

– Извините, Василий Васильевич, – сказал он, справившись с приступом бешенства. – Я благодарен вашим людям, которые сумели дать отпор негодяям, посмевающим поднять руку на императрицу. Все те, кто вел себя достойно, будут мною награждены. Так им и передайте.

– Ваше величество, – я поймал благодарный взгляд Аракчеева и постарался переключить внимание царя на себя, – старший лейтенант Совиных захватил двух относительно целых злоумышленников и тщательно их допросил.

– И что они сказали? – Павел повернулся ко мне и, словно охотничья собака, сделал стойку. – Кем они оказались, и кто велел им напасть на императрицу и сопровождавших ее людей?

– Они долго не хотели ни в чем сознаваться. Пришлось применить к ним... Гм... Особые методы допроса, – я осторожно взглянул на самодержца, который недолюбливал эти самые «особые методы». Но Павел лишь слегка поморщился.

– В общем, выяснилось, что эти двое – поляки, участники мятежа Костюшко. Они были прощены вами, государь, но тем не менее не прекратили гадить России и русским где только можно. А вот кто их послал... Тут все гораздо сложнее. С их слов, они точно не знают, от кого именно поступил приказ напасть на кортеж императрицы. Главарь, который знал намного больше, чем они, был убит Сычом, простите, старшим лейтенантом Совиных.

– Что это за чин у вас такой – старший лейтенант?! – неожиданно снова взвился Павел. – Это что-то вроде поручика? Да такой молодец достоин более высокого чина! Передайте, что я поздравляю его капитаном гвардии. Это, как-никак, чин седьмого класса согласно Табели о рангах. Хотя нет, не надо... Я сам лично поздравлю вашего храбреца. Надо наградить и уважаемого господина Иванова. Да и дочка его, прекрасная амазонка, как я слышал, тоже отличилась, защищая мою супругу. Не знаю даже, как ее отметить. Ладно, что-нибудь придумаю... А вы, Василий Васильевич, продолжайте. Так что вам еще поведали эти мерзавцы?

– Из всего ими сказанного можно предположить, что нападение это – скорее частная инициатива одного из заговорщиков. Уж больно некстати для них оно произошло. Да и организовано оно было из рук вон плохо. Полагаю, что кто-то, не входивший в ближний круг заговорщиков, но достаточно авторитетный, чтобы найти исполнителей своего замысла, решил напасть на императорский кортеж. Цель – захват императрицы и «новых людей», появившихся в вашем окружении, то есть кого-то из нас. Герман считает, что это была инициатива англичан, которым не дает покоя поражение британского флота у Ревеля.

– Да, но зачем? – изумленно воскликнул Павел. – Ну, захватили, а дальше что? Неужели у них хватило бы наглости потребовать за них выкуп?

– От этих бандитов можно было ожидать чего угодно. Только, как я понял, интересовали организатора нападения в основном господин Иванов и его дочь. О присутствии Совиных они могли и не знать – решение отправить его вместе с Алексеем Алексеевичем и Дарьей было принято в последний момент. Знай они о нем, то, возможно, злодеи побоялись бы напасть на кортеж.

– Поляки говорите, британцы... – Павел на мгновение задумался. – А ведь там была польская девица, как там ее звали, кажется, Барбара? Может быть, она была лазутчицей, которая сообщила своим соплеменникам о намерении императрицы посетить Павловск?

– Не думаю, ваше величество. Она тоже получила разрешение отправиться в Павловск в самый последний момент и просто не успела бы ничего сообщить своим соплеменникам. К тому же она была ранена во время нападения. А ведь ее могли и убить. Кроме того, эта полька по уши влюблена в Германа Совиных, – тут я покосился на Павла, который услышав мои слова, удивленно причмокнул губами и покачал головой, – а потому она не стала бы желать ему смерти, да и сама вряд ли полезла бы под пули.

– Пожалуй, вы правы, – немного подумав, произнес Павел. – Наверное, эта девица ничего не знала о гнусных замыслах бандитов. Кстати, как она себя чувствует? Она не тяжело ранена? Может быть, есть необходимость послать к ней моего лейб-медика?

– Ее жизнь вне опасности. Наш врач осмотрел Барбару и сообщил, что через недельку-другую она будет в полном порядке.

– Вы сказали, что она влюблена в капитана Совиных? А как он – любит ли ее?

– Как я понял, ваше величество, их чувства взаимны. Капитан Совиных хотел даже жениться на Барбаре.

– Так в чем же дело? – улыбнулся Павел. – Пусть женится. Правда, она, как я слышал, бедна, как церковная мышь. Но я помогу ей и дам за нее вашему добру молодцу богатое приданое.

– Ваше величество, пока заговор не искоренен, о свадьбах думать, пожалуй, рановато. Мы тут с генералом Бариновым выявили ядро заговорщиков, теперь ждем вашего приказа арестовать всех, кто причастен к заговору.

– Так в чем же дело, Василий Васильевич? Немедленно предоставьте мне список заговорщиков, и я тут же отдам распоряжение взять под стражу тех, кто замыслил насильственно свергнуть с трона помазанника Божьего.

Павел гордо вскинул голову, показывая мне, что он, этот самый «помазанник», готов железной рукой покарать злодеев, намеревавшихся покуситься на его священную особу.

– Я вас понял, государь, – кивнул я. – позвольте мне отправиться к себе, чтобы подготовить сей список. Завтра утром я вам его вручу.

– Ступайте, мой друг, – император подошел ко мне вплотную и взял за рукав. – Я стольким вам всем обязан. Могу ли я попросить вас прислать ко мне господина Иванова и его дочь? Я хотел бы лично поблагодарить их за то, что они, не щадя своей жизни, защищали мою супругу от головорезов, посмевавшихся напасть на нее...

– Вас, граф, я тоже не задерживаю, – сказал Павел Аракчееву. – Я не вижу вашей вины в случившемся. И на вас не сержусь.

9 (21) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Валерий Петрович Коновалов, водитель «скорой», а ныне просто механик

Сегодня на дворе ясный и погожий денек. Самое то, что нам сейчас нужно. Кому нам? Мне, Алексеичу и Кулибину. Для чего? А вот для чего.

Дело в том, что мы сегодня собрались испытать гелиограф. Ну, или если сказать проще – оптический телеграф. Вещь простая, но как средство связи на сравнительно небольшие расстояния – довольно надежная. При хорошей погоде с помощью гелиографа можно передавать информацию на расстояние до пятидесяти километров. Даже горы для него не помехи, скорее, наоборот.

Я где-то вычитал, что в конце XIX века был установлен рекорд – два гелиографа обменивались сигналами, находясь на вершинах гор, причем расстояние между ними было чуть ли не три сотни верст¹¹. Я вспомнил об этом нехитром приборе, увидев, как здешние ребяташки играли, пуская «зайчики» в глаза друг другу осколками зеркала.

Кулибин, которому я рассказал о гелиографе, загорелся идеей создать для нужд нашей армии сей весьма полезный прибор.

– Валерий Петрович, нарисуйте мне чертежик этого самого гелиографа! – попросил он меня. – А я уж сам его сделаю. Зеркала у меня есть, причем довольно неплохие.

– Зеркала, Иван Петрович, это, конечно, хорошо. Но ведь в походе их легко разбить. Если мне память не изменяет, то для военных нужд в гелиографах использовали полированные металлические поверхности.

– Да, так оно, пожалуй, лучше будет, – согласился со мной Кулибин. – Надо будет изготовить с десяток таких металлических зеркал.

Немного подумав, Кулибин покачал головой и спросил у меня:

– Только как нам передавать сведения по этому самому гелиографу?

– У нас существует так называемая азбука Морзе, – ответил я. – Названа она так по имени американского художника Сэмюэля Морзе, который придумал азбуку для передачи различных сообщений. Любую букву и цифру в ней можно изобразить в виде чередований точек и тире – сиречь длинных и коротких сигналов. У нас до сих пор пользуются этой азбукой.

– А вы знакомы с ней? – спросил у меня Кулибин.

– Нет, но Алексей Алексеевич Иванов ее знает. Он как-то проговорился, что служил в армии радио телеграфистом. А сие означает, что азбука Морзе должна ему быть хорошо знакома.

– Валерий Петрович, переговорите с ним. Если нам удастся раздобыть эту самую азбуку, то наши войска, отправляющиеся в дальний поход, смогут переговариваться друг с другом, находясь на большом расстоянии.

Вот так мы и создали первый действующий образец гелиографа. Мудреного же в нем ничего не было. Пучок солнечных лучей, падая от солнца на плоское зеркало, отражается от него. При отклонении зеркала меняется угол падения света, соответственно чему меняется и угол отражения света, и световой пучок отбрасывается по направлению наблюдателя. Глаз его при первом положении зеркала не улавливает светового сигнала, так как свет отбрасывается зеркалом ниже места расположения наблюдателя. При отклонении зеркала отраженный световой пучок поднимается, и наблюдатель воспринимает яркий световой сигнал. Прием сигналов осуществляется невооруженным глазом, либо с помощью бинокля или подзорной трубы.

Гелиографирование заключается в посылках сигналов соответственно обозначениям, принятым в азбуке Морзе. При расположении наблюдателя с зеркалом гелиографирование возможно посредством применения вспомогательного зеркала. Солнечный свет отбрасывается зеркалом на вспомогательное зеркало, а от него – к наблюдателю.

Приводимое в колебание для сигнализации зеркало называется рабочим. Рабочее зеркало снабжено ключом. Чтобы во время передачи одним зеркалом была уверенность, что сигналы действительно посылаются по направлению другой станции, следует использовать при-

¹¹ В 1894 году в США с помощью гелиографов удалось установить связь между точками передачи и приема, отдаленными друг от друга на расстояние 295 километров. Обе точки располагались на горных вершинах.

цел. При работе двумя зеркалами вспомогательное зеркало выполняет назначение прицела. Прицел устанавливается таким образом, чтобы, смотря сбоку в рабочее зеркало, достигнуть совмещения с центром этого зеркала отражений мушки прицела и света другой станции. Вспомогательное зеркало устанавливается так, чтобы, смотря в рабочее зеркало, видеть совмещенными отражения центра вспомогательного зеркала и света другой станции с центром рабочего зеркала. Затем изменяется положение рабочего зеркала, пока мушка прицела или центр вспомогательного зеркала не окажутся освещенными центральными лучами отраженного светового пучка. При этом наблюдатель окажется в наиболее освещенной части поля отраженного света.

С течением времени, вследствие суточного вращения Земли, взаимное расположение солнца и рабочего зеркала изменяется, в связи с чем отраженный световой пучок перемещается. Чтобы устранить влияние этого явления на отчетливость подаваемых сигналов, необходимо время от времени исправлять с помощью поворотного приспособления положение рабочего зеркала. Вспомогательное зеркало и прицел также снабжены такими приспособлениями, но ими пользуются лишь при установке гелиографа.

Только не стоит думать, что все, что я сейчас с умным видом процитировал, я запомнил наизусть. Вообще-то я видел гелиограф, что называется, «живьем» – во время посещения Музея связи в Питере. А то, что я продиктовал Кулибину, переписал из Российской военной энциклопедии 1911 года. Она была для чего-то скачана на флешку Алексеем Ивановым. И весьма пригодилась в веке девятнадцатом.

Алексеич напомнил Кулибину и об оптическом телеграфе, который Иван Петрович сделал еще в 1794 году. Кстати, в том же году во Франции тоже построили подобный телеграф. Изобрели его братья Шапп. Первое извещение по этому телеграфу было получено Лазаром Карно, членом Комитета общественного спасения, отвечавшего за оборону. В нем говорилось о взятии французами в тот же день утром (1 сентября) города Конде, захваченного австрийцами.

Французы сразу же оценили всю полезность изобретения братьев Шапп. На протяжении 225 километров ими были устроены 22 станции – башни с шестами и подвижными планками. Для передачи одного знака требовалось всего две минуты. Вскоре были построены другие линии. От Парижа до Бреста депеша передавалась в течение семи минут, от Берлина до Кёльна – за десять минут. Три подвижные планки такой системы могли принимать 196 различных относительных положений и изображать таким образом столько же отдельных знаков, букв и слов, наблюдаемых при помощи зрительных труб.

Кулибинский же телеграф оказался во многом совершеннее французского. К примеру, приводной механизм был гораздо проще и оригинальнее. А телеграфный код, с помощью которого передавалась информация, был составлен у Кулибина по совершенно другому принципу и позволял вести передачу значительно быстрее.

Только недаром говорится, что нет пророка в своем отечестве. Императрица Екатерина II, которой Иван Петрович показал свое творение, осмотрела его, поблагодарила изобретателя, после чего... велела модель оптического телеграфа и его чертежи отнести в Кунсткамеру. Там он и пылился среди чучел и заспиртованных уродов.

Я напомнил об этом Кулибину, но тот лишь огорченно развел руками. Алексей Алексеевич, который внимательно слушал наш разговор, пообещал на очередной аудиенции у императора рассказать об изобретении Кулибина. Посмотрим, что из этого получится.

А испытание гелиографа прошло успешно. Дарья Иванова, которую мы позвали полюбоваться на это зрелище, пообещала подкинуть нам еще одну идею. Какую, правда, не сказала. Вот ведь вредная амазонка – не знаешь, какой сюрприз она преподнесет нам на этот раз.

9 (21) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Дарья Иванова, русская амазонка

Да, мы помимо нашего желания угодили в суровые времена, когда любая оплошность может закончиться печально, – как для нас, так и для тех, кто нас окружает. Вот собрались мы и отправились в совершенно обычную, можно сказать, экскурсионно-развлекательную поездку в Павловск. И чем все закончилось? Пальбой, трупам и ранеными, которых теперь старательно врачуют наши эскулапы. Правда, Гера Совиных ухлопал изрядное количество негодяев, которые намеревались похитить нас и императрицу.

Отец рассказал, что Павел Петрович поначалу был очень сердит на нашего Василия Васильевича, который в данном случае был явно не при делах. Но он не стал препираться с императором, а попытался спокойно и четко рассказать ему о том, что и как все произошло. Причем хитроумный Вась-Вась преподнес наше участие в сем приключении так, что Павел пришел в восторг и пригласил папу и меня к себе.

– Мадемуазель, – с улыбкой сказал мне император, – я вижу, что вам хочется стяжать лавры российской Жанны д'Арк. Все бы вам стрелять и шпагой махать! Ну, только не обижайтесь, я шучу, – продолжил он, заметив, что я поморщилась, услышав его слова.

– Вы достойная дочь своего отца, – тут Павел повернулся к папе. – Уважаемый Алексей Алексеевич, мне доложили, что вы лично приняли участие в схватке со злодеями, которые посмели напасть на вас и мою супругу. И своими руками уложили наповал нескольких из них.

– Я защищал дочь и императрицу Марию Федоровну, – ответил отец. – У нас не принято прятаться за спины женщин.

– Похвально, похвально... – произнес император. – За достойный поступок должна последовать достойная награда. Что касается вас, мадемуазель, то я советую побыстрее сшить платье из серебряного глазета со шнурами. И обязательно зайдите на половину императрицы. А вы, господин Иванов, как я слышал, все свое свободное время посвящаете изготовлению новых машин и механизмов, которые приносят, или принесут в самом ближайшем будущем, немалую пользу нашему Отечеству. Понятно, что вам приходится нести при этом немалые расходы. А посему, помимо награды, которая будет вручена вам в ближайшее время, я разрешаю тратить столько денег на ваши труды, сколько будет необходимо. Я знаю, что они вернутся в государственную казну с немалой прибылью.

– Благодарю вас, государь, – обрадовался папа. – Могу заверить вас, что я не стану напрасно расходовать казенные деньги.

– Вот и отлично! – довольно кивнул Павел. – Ступайте с Богом. Думаю, что вскоре я снова с вами увижусь.

Отец отправился к своему приятелю Валерию Павловичу Коновалову, с которым они вместе строили паровой двигатель для корабля, который станет первым русским пароходом. Я же направилась на половину императрицы. У меня все никак не выходила из головы просьба-пожелание Павла, чтобы я в самое ближайшее время сшила нарядное платье из глазета. К чему все это было сказано?

А в царицыных покоях меня уже ждали младшие Романовы. Великая княжна Екатерина от полноты чувств чуть было при всех не бросилась обнимать меня. Но она сумела сдержаться, и лишь ее сияющая физиономия говорила, что она несказанно рада меня видеть. Мелкие же – Николай, Анна и Михаил – свободные от придворных предрассудков, стали с визгом кружиться вокруг меня, хватать за рукава и просить рассказать, как я расправилась со страшными разбойниками, которые напали на их любимую мамá.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.